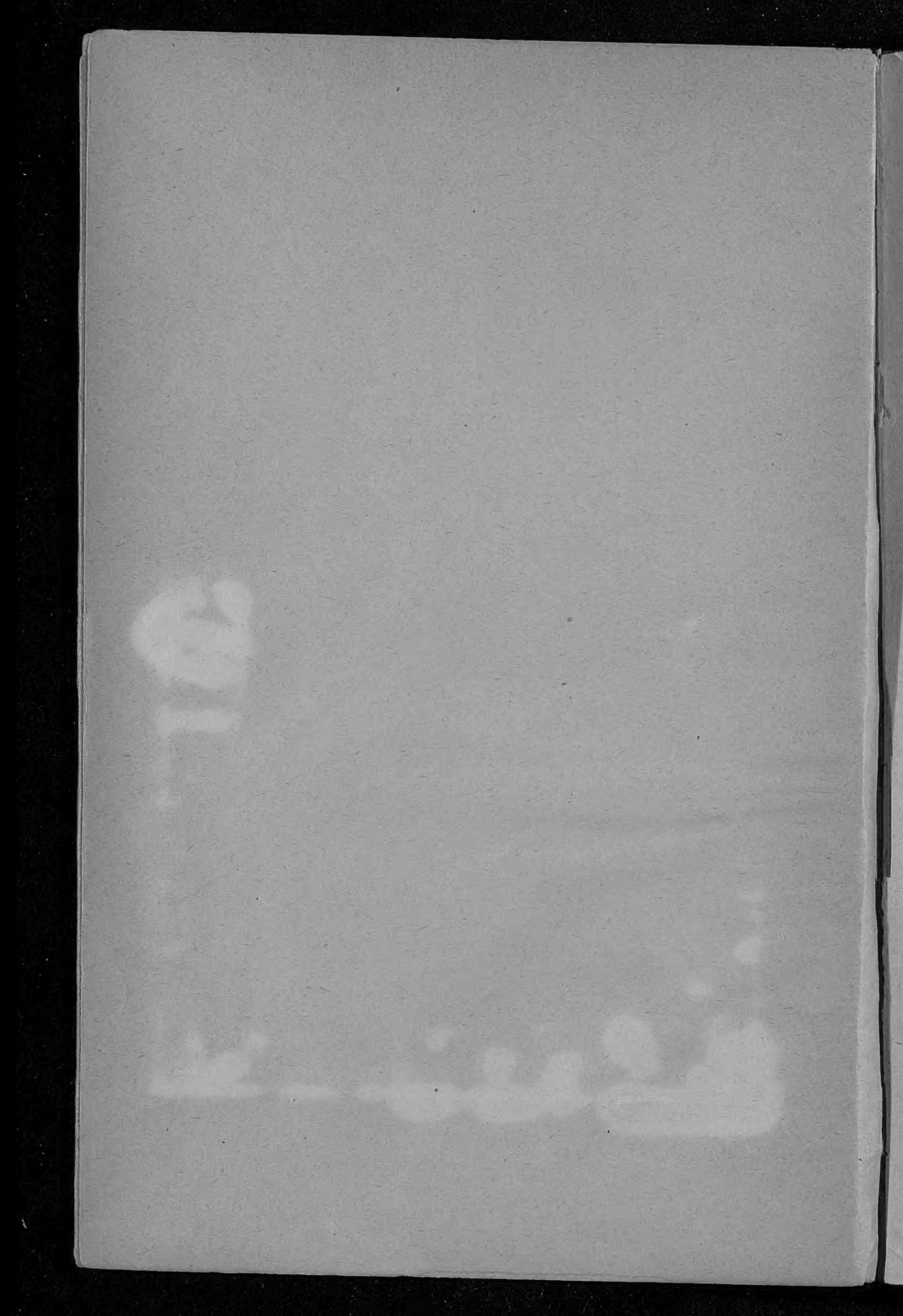
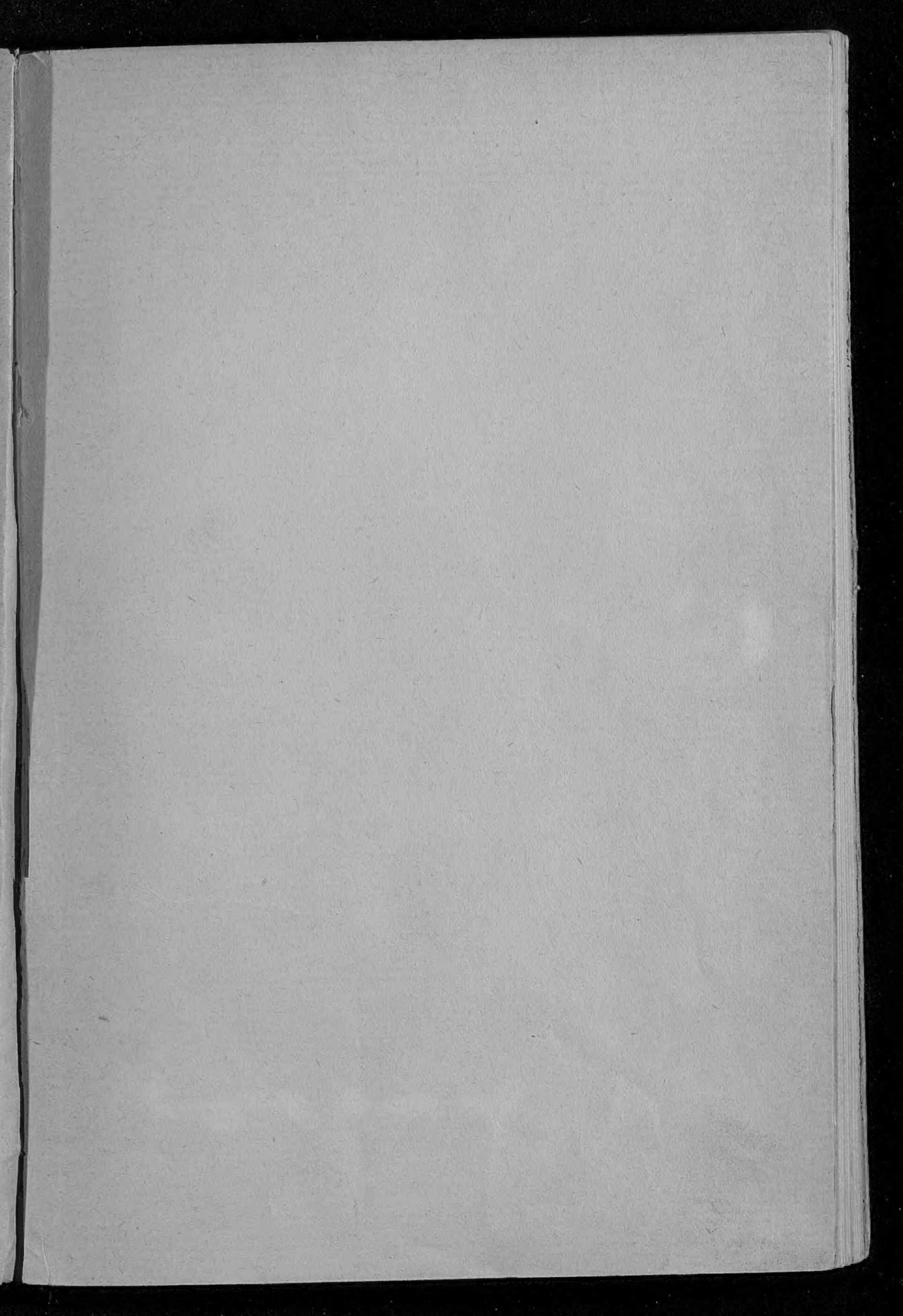
Проф. Ю. В. Ломоносовъ.

# Воспоминанія о Мартовской Революціи 1917 г.

СТОКГОЛЬМЪ—БЕРЛИНЪ
1921.





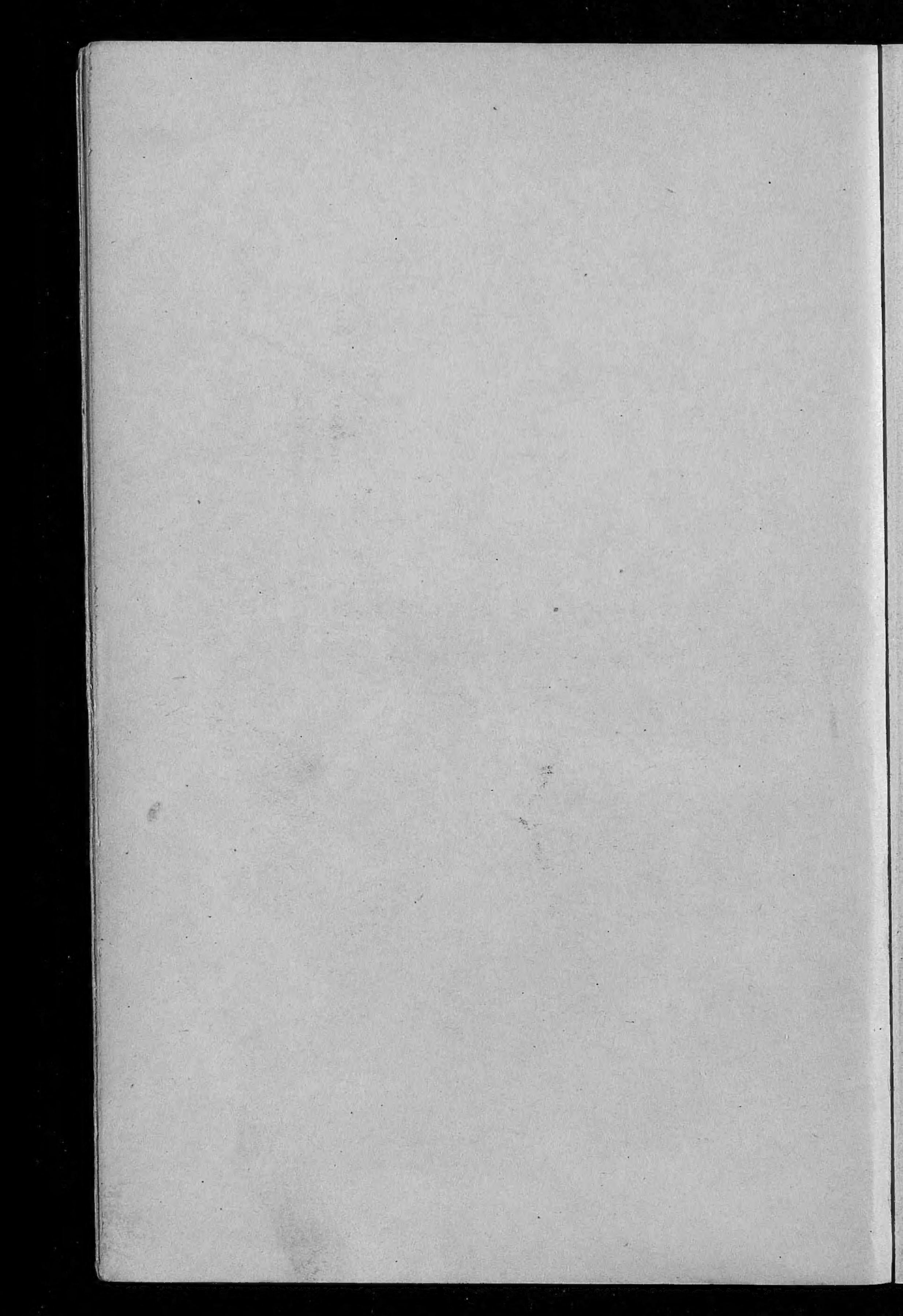
Проф. Ю. В. Ломоносов

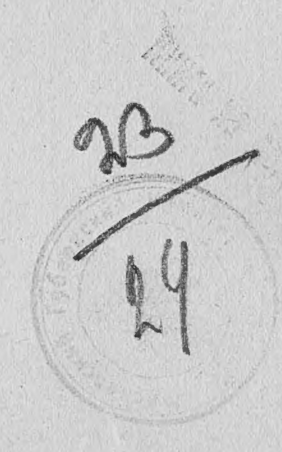
X

Воспоминания о Мартовской Революции 1917 г.

Стокгольм – Берлин
1921 г.

Ю.Ломоносовъ





# Воспоминанія Ю. В. Ломоносова о мартовской революціи 1917 г.

## Вмѣсто предисловія.

(Отъ издателей).

Трудно писать о книгѣ, которая говоритъ сама за себя.

„Воспоминанія“ проф. Ломоносова . . .

Ломоносова? Того самаго . . . русскаго американца , . . лучшаго „паровозника“ . . . совѣтскаго дипломата? . . .

Съ этихъ сторонъ знаетъ автора вся Россія, вся русская эмиграція, весь міръ.

Но мало кому извѣстна роль проф. Ломоносова въ февральской (мартовской) революціи, роль блестящаго организатора, одного изъ лучшихъ знатоковъ нервной системы революціонной России — ея путей сообщенія.

Уходитъ вдаль и становится достояніемъ исторіи грандіозный февральскій сдвигъ 1917 года.

Гос. Дума, ея „Исполком“, Временное Правительство, Львовъ, Керенскій, Бубликовъ . . . — первыя зарницы обновленія Россіи „въ грозѣ и бурѣ“ . . .

Все это ждетъ, проситъ, требуетъ своего историка, бытописателя, лѣтописца.

И все, что будетъ написано о первой революціи — цѣнно, интересно, важно.

„Воспоминанія“ Ю. В. Ломоносова займутъ въ этой литературѣ не послѣднее мѣсто.

Это — нѣчто вродѣ судового журнала или дневника военныхъ дѣйствіяхъ, составленнаго подъ грохотъ орудій и стрекотаніе пулеметовъ.

Тутъ даже при желаніи некогда заниматься филигранной отдѣлкой или „сочинять“: событія такъ молніеносны, такъ захватываютъ и увлекаютъ, что только бы успѣть записать ихъ, зафиксировать; подмазывать, „освѣщать“ — просто нѣтъ физической возможности.

Вотъ почему, несмотря на кажущуюся субъективность книги проф. Ломоносова, не только рядовой читатель, но

и историкъ-изслѣдователь найдетъ въ ней много интереснаго, объективно-цѣннаго матеріала.

И каждый русскій человѣкъ, воспринявшій революцію активно, не только пережившій, но и перечувствовавшій ее, найдетъ откликъ въ переживаніяхъ автора; сомнѣніе въ мощности революціоннаго подъема, первыя надежды и колебанія, кипучій энтузіазмъ, горѣніе съ двухъ концовъ и ... угасаніе, упадокъ, обидное разочарованіе, жгучая неудовлетворенность.

— Моя роль въ революціи кончилась — заключаетъ проф. Ломоносовъ.

На самомъ дѣлѣ кончилась не его роль, а первый этапъ самой революціи.

Въ очистительномъ огнѣ сгорѣло старое, но новое только начало бродить.

И оно также не ускользнуло отъ проницательнаго взора знатока не только русскихъ паровозовъ, но и массовой русской психологіи.

— Хрѣнъ рѣдьки не слаще, — говорили солдаты узнавъ о предполагавшейся замѣнѣ Николая II — Михаиломъ II.

Опытъ показалъ, что и замѣна Рухлова — Некрасовымъ наводила на тѣ же „ботаническія" параллели.

„Слишкомъ правые", — аттестовалъ Временное Правительство царскій министръ А. В. Кривошеинъ.

Ю. В. Ломоносовъ не только отмѣтилъ, но и пророчески оцѣнилъ эти слова: онъ видѣлъ дальше и лучше, чѣмъ Некрасовы.

Въ безчисленныхъ черточкахъ, разговорахъ, деталяхъ, случайныхъ, вскользь брошенныхъ замѣчаніяхъ „Воспоминаній", если внимательно расшифровать ихъ, — мы найдемъ не только стенографическія записи, но глубокій, можетъ быть, наполовину инстинктивный, но и поразительный прогнозъ дальнѣйшаго развитія русской революціи, ея второго этапа.

Что можетъ быть поучительнѣе ошибокъ прошлаго, показанныхъ до осязательности наглядно?

И какъ хорошо сдѣлалъ авторъ, воздержавшись отъ длинныхъ разсужденій, отъ сентенцій, отъ выдаванія собственныхъ домысловъ за неумолимую логику вещей, неотвратимый ходъ желѣзной колесницы исторіи.

Проф. Ломоносовъ доказалъ, что можно сочетать блестящую спеціальную эрудицію съ талантомъ живого, яснаго, точнаго изображенія; съ успѣхомъ перейти отъ инженерской логарифмической линейки къ перу, почти беллетристическому; замѣнить сухой чертежъ изящнымъ и точнымъ рисункомъ.

Въ этомъ рисункѣ нѣтъ красокъ; авторъ какъ будто умышленно избѣгаетъ пестрой иллюминовки; онъ чувствуетъ, что тамъ ничего не стоитъ киноварь, гдѣ льется горячая человѣческая кровь; и ничтожны архитектурныя детали на грандiозномъ фасадѣ „Революцiи."

Зато здѣсь нѣтъ — „насъ возвышающаго" обмана, какимъ чаруетъ читателя беллетристъ-художникъ.

Зато здѣсь все — живая плоть, удивительно воспроизведенный кинематографъ незабываемыхъ, неизгладимыхъ дней.

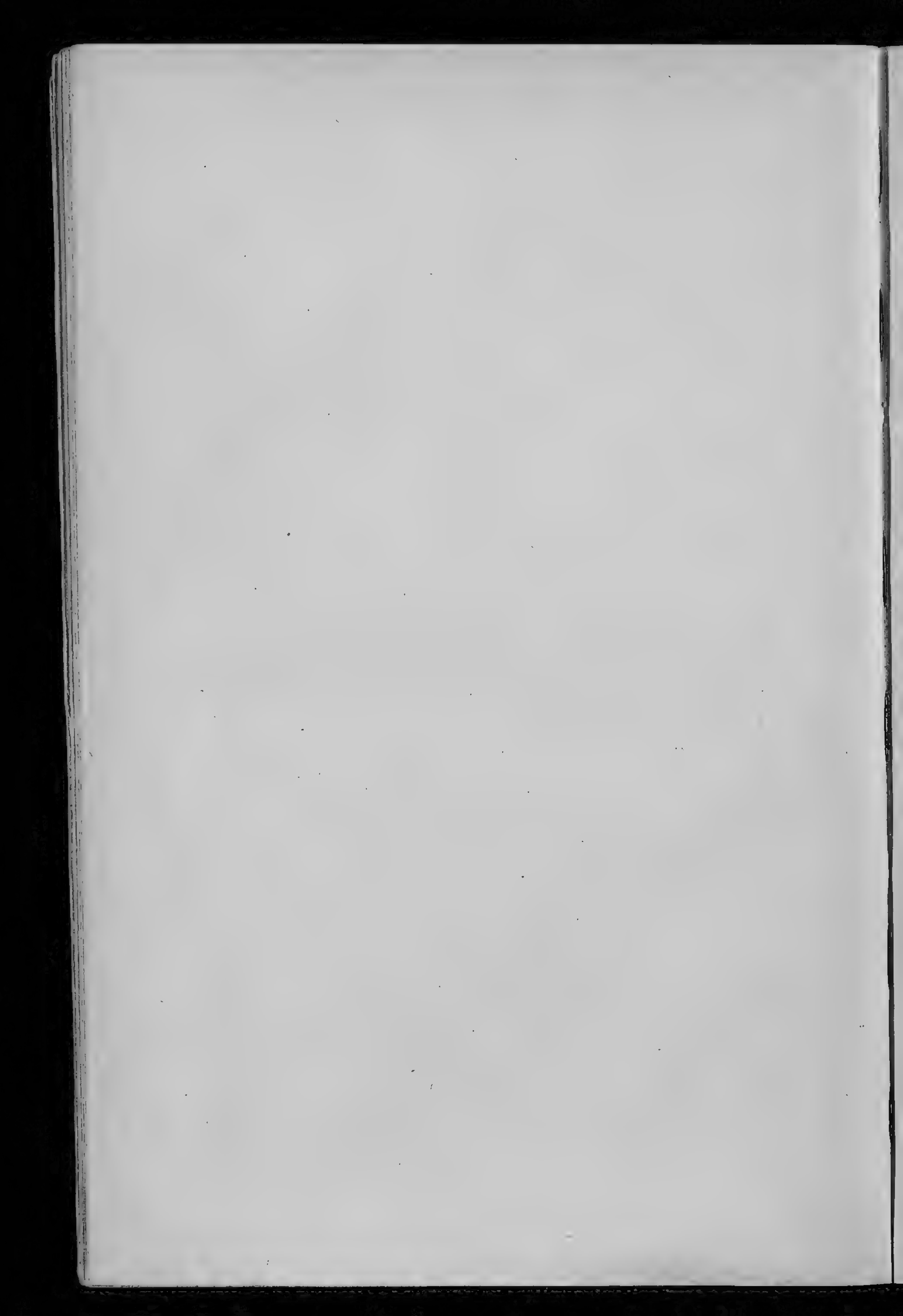
Въ самомъ стилѣ вы ясно чувствуете и первые раскаты революцiоннаго грома, и тревожные гудки автомобилей, и эти нервные телефонные звонки, и судорожный трескъ безчисленныхъ телеграфныхъ аппаратовъ, на проволокахъ и рычагахъ которыхъ повисла судьба Россiи.

Это не тягучiе, бюрократическiе мемуары Витте, не приглаженныя, прилизанныя „Воспоминанiя" ремесленниковъ пера.

Самая отрывочность и эпизодичность „Воспоминанiй" какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому хаотическому на первый взглядъ клубку, вихрю событiй и впечатлѣнiй, которыя принесла революцiя, одурманивъ не одну обывательскую голову, ослѣпивъ не одни близорукiе глаза.

Не растеряться въ ея головокружительномъ калейдоскопѣ, не потерять равновѣсiя и зоркости, не поддаться нравственной морской болѣзни во время такой убiйственной качки — большая заслуга.

Еще большая заслуга — не растерять этихъ неповторяемыхъ впечатлѣнiй и, „надъ собой держа контроль", отлить ихъ въ форму яркой, интересной и поучительной книги, какъ это сдѣлалъ проф. Ломоносовъ.



## „Нашъ и не нашъ“.

(Коммунистъ о проф. Ю. В. Ломоносовѣ.)

Среди дѣятелей современной России имя Ю. В. Ломоносова стоитъ на совершенно особомъ мѣстѣ. Профессоръ по кафедрѣ желѣзныхъ дорогъ, авторъ 26-ти книгъ по желѣзнодорожной техникѣ и экономикѣ, путейскій генералъ царскаго режима... что общаго между нимъ и рабоче-крестьянскимъ правительствомъ Россіи. Когда онъ былъ искрененъ? Тогда ли, когда въ бѣлыхъ штанахъ и расшитомъ мундирѣ участвовалъ въ придворныхъ церемоніяхъ, или теперь, когда онъ выступаетъ на митингахъ въ Смольномъ?

Самъ онъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ обычно своей любимой фразой: „я генералъ отъ паровозовъ и запасный рядовой отъ революціи“. Первое безспорно; имъ онъ былъ при царѣ, имъ онъ былъ при Керенскомъ, имъ онъ есть при совѣтской власти. Но второе подвергалось и подвергается сомнѣнію. Какъ могъ революціонеръ служить царю и щеголять въ бѣлыхъ штанахъ. Самъ Ломоносовъ оправдывается такъ: „я былъ въ запасѣ... а запасный солдатъ занимается всякими дѣлами: одинъ пашетъ, другой пишетъ, третій работаетъ на заводѣ... а я занимался своей желѣзнодорожной спеціальностью. Когда же раздался революціонный призывъ, я оказался на своемъ мѣстѣ“. Дѣйствительно, въ 1905—1907 гг. Ломоносовъ принималъ живое участіе въ политической жизни юга Россіи подъ разными псевдонимами и флагомъ большевизма. Въ мартѣ 1917 г. онъ оказался въ первыхъ рядахъ, а въ октябрѣ... правда, съ нѣкоторымъ опозданіемъ сталъ на сторону соціальной революціи, но уклонился отъ вступленія въ ряды коммунистической партіи. Добровольно пришелъ къ намъ изъ Америки, но не пошелъ съ нами. Работаетъ съ нами, а не нашъ. Свой и чужой.

Кто же онъ на самомъ дѣлѣ? Вся его жизнь — рядъ невѣроятныхъ антраша: родился въ старинной дворянской семьѣ, всю жизнь мечталъ крестьянствовать и оказался въ большевикахъ. Учился въ кадетскомъ корпусѣ, готовился тамъ въ духовную академію, а попалъ въ Институтъ Путей Сообщенія. Окончивъ эту строительную школу, никогда строительствомъ не занимался, а сталъ изучать паровозы. Добившись положенія одного изъ первыхъ спеціалистовъ, занялся экономическими вопросами транспорта и, въ концѣ концовъ, оказался Совѣтскимъ дипломатомъ. Любовь къ невѣроятнымъ приключеніямъ, страсть удивить собою окружающихъ — вотъ основныя черты его характера. Это аван-

тюристъ милостью Божьей; но авантюристъ, не лишенный послѣдовательности и благородства. Сказавъ А, онъ всегда скажетъ Z. Назвавъ себя соціалистомъ, онъ въ 1916 г., правда, подъ давленіемъ жены, отказался отъ милліоннаго наслѣдства. Но былъ ли этотъ жестъ результатомъ его коммунистическихъ убѣжденій, предвидѣнія революціи (а онъ ее предвидѣлъ), или желаніе порисоваться — одному Аллаху извѣстно.

Его біографическія данныя? Родился въ 1876 году. Студентомъ мелькалъ въ марксистскихъ кругахъ, скорѣе всего въ цѣляхъ протеста противъ опеки своего дяди — извѣстнаго народника Карѣева. Студентомъ женился на богатой, но приданнаго не получилъ. Служилъ на Харьково-Николаевской дорогѣ, гдѣ началъ свои знаменитые опыты надъ паровозами. Въ 1901 г. былъ избранъ профессоромъ Кіевскаго Политехническаго Института, откуда ушелъ въ концѣ 1907 года — съ одной стороны, вслѣдствіе опасности быть раскрытымъ царской охранкой, отчасти — вслѣдствіе новаго брака.

Пробывъ годъ на Екатерининской ж. д., въ началѣ 1909 г. онъ появился въ роли Начальника Тяги на Ташкентской ж. д., гдѣ пробылъ до конца 1910 г. Это былъ героическій періодъ его жизни. На далекой окраинѣ, при слабовольномъ начальникѣ дороги, умѣя подмазать и жандармовъ и контроль, онъ творилъ прямо чудеса. Прежде всего онъ окружилъ себя цѣлой плеядой талантливыхъ людей, среди которыхъ были люди всѣхъ націй, всѣхъ положеній, до профессіональныхъ революціонеровъ, жившихъ по фальшивымъ паспортамъ, включительно. Жизнь била ключемъ. Мы видѣли Ломоносова то на паровозѣ, изучающаго ихъ работу, то въ душныхъ деповскихъ конторахъ, обучающаго служащихъ новымъ методамъ счетоводства. Онъ умѣлъ вызвать иниціативу въ самыхъ забитыхъ труженикахъ, умѣлъ подойти къ нимъ, понять ихъ нужды. Заработки утроились, и дорога изъ убыточной стала доходной, а въ техническомъ отношеніи — едва ли не первой въ Россіи.

Инженеры, которыхъ онъ заставлялъ работать наравнѣ съ нами, не любили и боялись его, но низы, надо правду сказать, обожали его. Это обожаніе, несомнѣнно, внесло сильную отраву въ его психику . . . сдѣлало его слишкомъ самоувѣреннымъ.

Въ самомъ концѣ 1910 г. Ломоносова, противъ его воли, перевели въ Питеръ на Николаевскую ж. д. Я помню, какъ въ садикѣ около вокзала въ Ташкентѣ ему подали депешу объ этомъ. Его чуть не хватилъ ударъ. „Это капутъ мнѣ...

я не придворный, я рабочій. Тамъ мнѣ не сдобровать". И точно, на Николаевской ж. д. при камергерѣ Ивановскомъ онъ едва удержался годъ и никакой популярности не пріобрѣлъ . . . Ему приходилось все время балансировать, да и питерскій „генералинъ" штука заразительная. Ссора его съ Ивановскимъ настолько выявила безстыдство послѣдняго, что даже министръ Рухловъ счелъ вынужденнымъ вознаградить какъ нибудь Ломоносова, и вотъ, перескочивъ постъ начальника дороги, въ январѣ 1912 г. онъ оказался назначеннымъ помощникомъ начальника управленія всѣхъ русскихъ дорогъ. Изъ революціонеровъ — въ сановники.

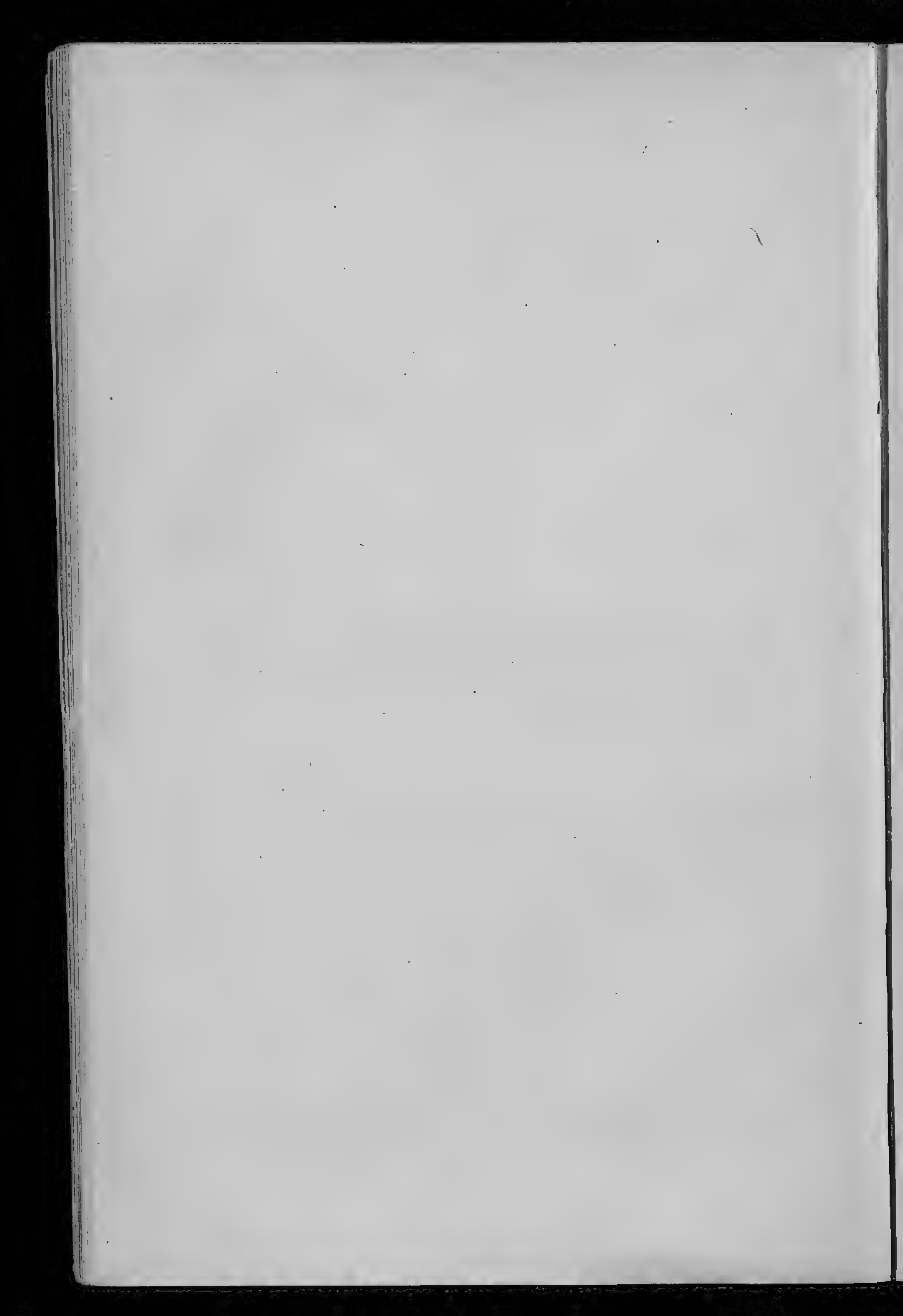
Говорятъ, Рухловъ зналъ кое-что о прошломъ Ломоносова и нерѣдко называлъ его „жидомасономъ", но явно благоволилъ къ нему . . . Тѣмъ не менѣе, положеніе Ломоносова было слишкомъ нелѣпое при столь реакціонномъ министрѣ . . . и, формально не поладивъ на какомъ то техническомъ вопросѣ, Ломоносовъ въ концѣ 1912 года подалъ въ отставку и былъ назначенъ членомъ Инженернаго Совѣта, то-есть сданъ въ архивъ.

Для 36-ти лѣтъ это было рано, и едва ли Ломоносова утѣшили бѣлые штаны и зеленая подкладка. Онъ весь ушелъ въ научную работу, въ опыты надъ паровозами, въ писаніе техническихъ книгъ . . . Во время войны его привлекали не разъ къ активной работѣ, но кажется, не очень удачно. Въ мартовскую революцію онъ проявилъ удивительную энергію. . . но затѣмъ его услали въ Америку, откуда о его дѣятельности доходили самые разнообразные слухи, но въ концѣ концовъ онъ оказался тамъ среди сотрудниковъ Мартенса въ Совѣтскомъ бюро. Осенью 1919 г. онъ вернулся въ Россію, чтобы активно служить Совѣтской власти. Былъ предсѣдателемъ Комитета Государственныхъ Сооруженій, членомъ президіума Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, теперь его назначили въ помощь Красину налаживать транспортъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Воскреснетъ ли ташкентскій Ломоносовъ или онъ окажется окончательно погребеннымъ подъ мишурой генеральскаго мундира царскихъ временъ *).

**Коммунистъ.**

---

*) Ломоносову только два мѣсяца пришлось пробыть въ этой должности. Послѣ сыпнаго тифа и полемики съ Троцкимъ онъ былъ назначенъ Уполномоченнымъ Совѣта Народныхъ Комисаровъ по ж. д. заказамъ заграницей.



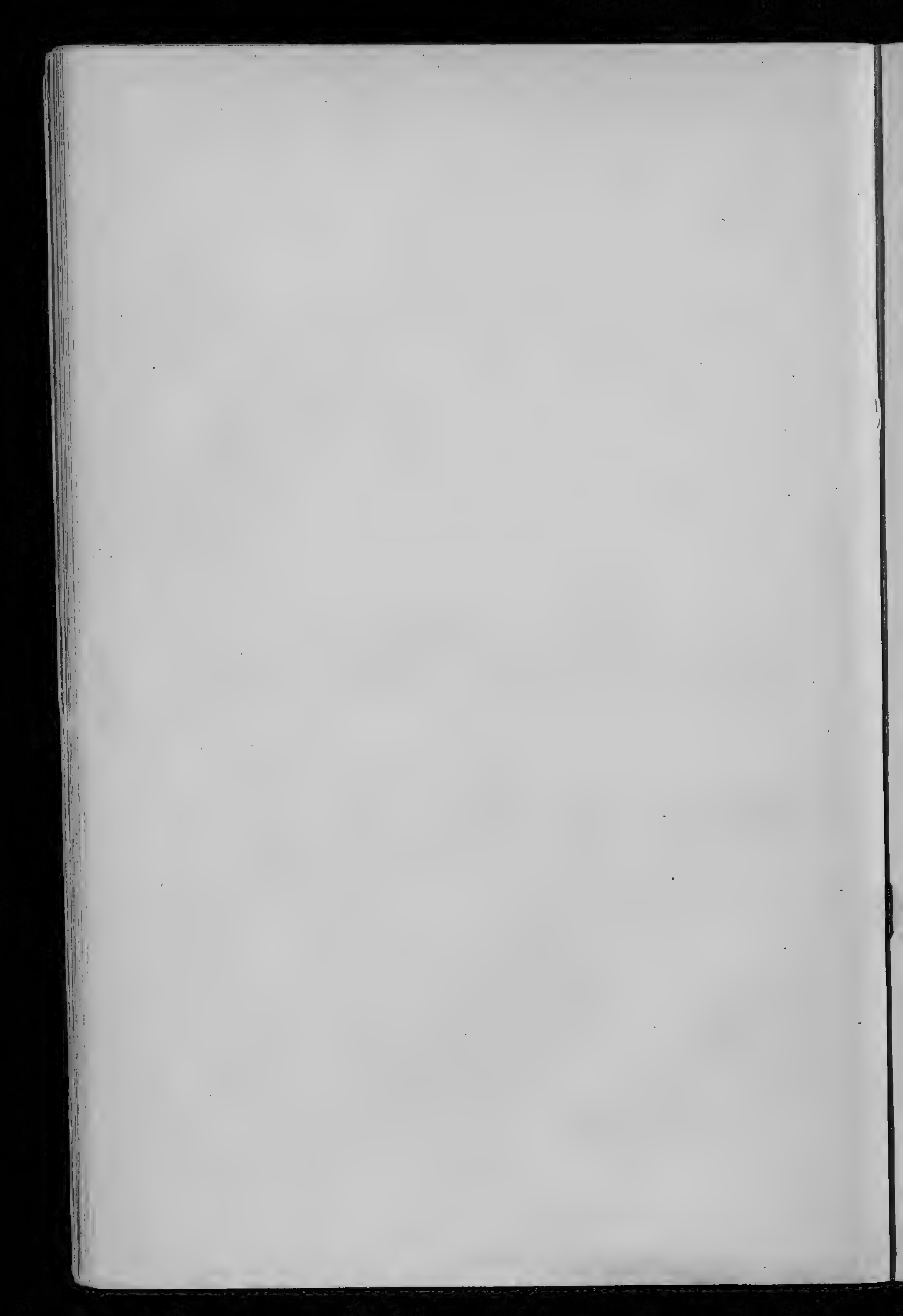
## Предисловіе автора къ англійскому изданію.

Немедленно послѣ окончанія мартовскихъ дней, я сдѣлалъ наспѣхъ замѣтки о томъ, чему въ теченіе ихъ я былъ очевидцемъ. Эти замѣтки я захватилъ съ собой въ Америку, но такъ неудачно заложилъ ихъ между книгами, что онѣ разыскались только 2-го августа 1918 г. Тогда же, пользуясь досугомъ, я привелъ эти замѣтки въ порядокъ, и зимой 1918—19 г. читалъ ихъ въ Чикаго друзьямъ. Они настаивали и настаиваютъ на опубликованіи этихъ воспоминаній. Но, скажу откровенно, на это мнѣ рѣшиться было не легко: слишкомъ рѣзко измѣнились мои взгляды на многія явленія за эти два года; слишкомъ сильно у меня сейчасъ желаніе многое исправить въ моихъ замѣткахъ, многое вовсе передѣлать. Я удержался, однако, отъ этого. Если мои воспоминанія имѣютъ какую либо историческую цѣнность, то только въ томъ видѣ, какъ онѣ тогда у меня вылились. Для историка важны не только сами факты, но и то — какъ они претворялись въ сознаніи современниковъ.

Но все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я счелъ полезнымъ снабдить мои замѣтки подстрочными примѣчаніями, являющимися результатомъ позднѣйшихъ переживаній и разсужденій.

**Ю. В. Ломоносовъ.**

9 мая 1919 г.
Нью-Іоркъ.



## Предшествующіе дни.

Я пріѣхалъ въ Царское Село съ Румынскаго фронта 20 февраля. На фронтѣ жизнь текла своимъ чередомъ. Снарядовъ было вдоволь, но съ продовольствіемъ было плохо. Въ среднемъ мы въ Румыніи получили 60 % назначеннаго, но въ отдѣльныхъ частяхъ эта цифра падала ниже 20 %. Приходилось ѣсть дохлыхъ лошадей. Желѣзныя дороги, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отчаяннаго состоянія паровозовъ, начали впадать въ параличъ. Не знаю даже, гдѣ было хуже: на румынскихъ или на нашихъ Юго-Западныхъ дорогахъ. Но правду въ министерствѣ слушать не хотѣли; въ этомъ отношеніи ставка была смѣлѣй.

Насколько плохо было съ желѣзными дорогами на румынскомъ фронтѣ, видно изъ того факта, что тамъ пришлось пріостановить обращеніе санитарныхъ поѣздовъ и отправлять раненыхъ въ товарныхъ вагонахъ, освобождаемыхъ отъ прибываемаго провіанта. Смертность была ужасная. Многіе при 20-градусныхъ морозахъ просто замерзали въ неотопленныхъ вагонахъ. Возстановить же санитарные поѣзда — это значило прекратить подвозъ пищи здоровымъ. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ: „Пусть умираютъ тѣ, кто уже выбылъ изъ строя", рѣшилъ генералъ Сахаровъ.

При такихъ условіяхъ недовольство въ арміи не могло не создаться. И оно конечно было. Удивительно то, что, насколько я слышалъ, это недовольство было направлено почти исключительно противъ Царя и особенно Царицы. Въ штабахъ и въ Ставкѣ Царицу ругали нещадно, поговаривали не только объ ея заточеніи, но даже о низложеніи Николая. Говорили объ этомъ даже за генеральскими столами. Но всегда, при всѣхъ разговорахъ этого рода наиболѣе вѣроятнымъ исходомъ казалась революція чисто дворцовая, въ родѣ убійства Павла.

Съ солдатами на фронтѣ мнѣ почти говорить не приходилось; мои генеральскіе погоны не располагали ихъ къ откровенности. Но помню, еще по дорогѣ въ Румынію на одной изъ станцій встрѣтился мнѣ знакомый солдатъ изъ зажиточныхъ полтавскихъ хліборобовъ, честный монархистъ и человѣкъ съ головой. Разговорились. Злобой дня тогда было убійство Распутина и нашъ разговоръ, естественно, обратился къ этой темѣ. Какъ сейчасъ я помню скорбные, недоумѣвающіе глаза моего собесѣдника и его полный тоски голосъ, когда онъ меня спрашивалъ: „Скажите мнѣ, вотъ

вы тамъ въ Царскомъ живете, скажите мнѣ, я васъ спрашиваю, какъ Царь такое похабство у себя въ домѣ терпитъ?“ Я только развелъ руками. „Я простой мужикъ, а не допустилъ бы такого сраму, а онъ, вѣдь, Государь, понимаете слово какое — Государь. За него мы здѣсь кровь льемъ!“ — „Развѣ за него?“ — „А то за кого же?“, но, подумавъ нѣсколько секундъ, прибавилъ: „а стоитъ ли онъ того?“.

Убійство Распутина вообще волновало тогда умы. Помню другую сцену въ Яссахъ на вокзалѣ. Чуть чуть брезжится зимнее утро. Медленно подходитъ этапный поѣздъ. На платформѣ суетится Пуришкевичъ, только что разбившій на площади свои питательныя палатки (многое ему за нихъ простится). Изъ вагоновъ высыпаютъ солдаты, офицеры. Среди нихъ головой всѣхъ выше казачій есаулъ, дѣтина пудовъ на двѣнадцать. Увидѣлъ Пуришкевича, остановился, уставился на него, крякнулъ и затѣмъ медленно съ перевалкой направился къ нему.

— Вы Пуришкевичъ?

— Я.

— Позвольте отъ лица русской арміи пожать вашу благородную руку — вы убили Распутина.

— Помилуйте. . .

— Не скромничайте. Вся Россія знаетъ. Пуришкевичу и всѣмъ, кто убилъ этого окаяннаго пса . . . ура!

„Уррра . . . .“ загремѣло по всей платформѣ.

Итакъ, 20-го марта, около полудня пріѣхалъ я въ Царское. Былъ ясный морозный день. На вокзалѣ меня встрѣтила жена. Наняли извощика, поѣхали домой. Пріѣхали. По таксѣ извощику надо заплатить 35 коп., но я, въ виду военныхъ тяготъ, даю полтинникъ. Еще два мѣсяца передъ этимъ за такой „начай“ меня усиленно благодарили; а тутъ извощикъ подбрасываетъ мой полтинникъ на рукѣ и задумчиво на него смотритъ. А жена, понявъ въ чемъ дѣло, раздраженно мнѣ говоритъ:

— Да ты съ ума сошелъ, дай рубль.

— Рубль?

— Ну, да, ужъ давно такъ платимъ, вѣдь овесъ то поднялся въ четыре раза.

Я понялъ, что рубль за два мѣсяца моего отсутствія упалъ въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ за все предшествующее время войны. Тѣ хвосты, которые я увидѣлъ на слѣдующій день въ Петроградѣ, показали, что и продуктовъ въ столицѣ очень мало. На хлѣбъ приходилось стоять въ очереди 3-4 часа, на молоко — 5-6, а на сапоги по суткамъ.

Пошелъ къ новому министру, Кригеру-Войновскому. Такъ же учтивъ, неопредѣлененъ и холоденъ, какъ былъ въ предшествующихъ должностяхъ. Сказалъ, что на фронтъ я больше не поѣду, такъ какъ на меня предполагается возложить угольное дѣло. Приказалъ представить свои соображенія. Говорилъ, разсчитывая на годы и мѣсяцы впередъ, но нѣкоторая нотка неувѣренности чувствовалась уже. Зато въ Управленіи Желѣзныхъ Дорогъ и въ другихъ канцеляріяхъ все по-старому. Ихъ ничѣмъ не прошибешь. Послѣ фронта ихъ канцелярская работа казалась мнѣ безполезной, а самодовольная насмѣшливость чиновниковъ — противной. Хотѣлось вернуться къ живой дѣятельности. Въ Румыніи я чувствовалъ себя полезнымъ, а здѣсь сомнительно. Въ успѣхъ своей угольной диктатуры я не вѣрилъ. По горькому опыту я зналъ, что старыя власти всетаки будутъ распоряжаться, и кромѣ двоевластія и путаницы изъ такой диктатуры ничего не выйдетъ.



### 24-го февраля.

Съ утра занимался у себя въ конторѣ (Б. Подъяческая, 36). Затѣмъ около 11 часовъ поѣхалъ на извощикѣ къ зубному врачу (Пушкинская, 15). Въ хвостахъ на хлѣбъ замѣтно большое волненіе. Говорятъ, что его два дня не будутъ продавать вовсе. Это будто бы распоряженіе новаго завѣдующаго продовольствіемъ столицы, желающаго точно установить количество запасовъ. Кой-гдѣ подростки кричали: „хлѣба, хлѣба!", но на это проходящіе какъ то не обращали вниманія.

Отъ зубного врача отправился къ парикмахеру (около Аничкова моста). На Невскомъ сразу запахло демонстраціей. И точно, не дошелъ я до Владимірской, какъ она показалась. Составъ странный: студенты, подростки, женщины, офицеры. Знаменъ мало. На большинствѣ надпись: „хлѣба". Но вотъ и старый знакомый: „Долой самодержавіе". Чинно несутъ это красное знамя мимо приставовъ и городовыхъ. Тѣ смотрятъ на него спокойно и насмѣшливо. Не нравится мнѣ что то этотъ взглядъ, отъ него пахнетъ провокаціей. Что то затѣвается именно полиціей. Рабочихъ на улицахъ совсѣмъ не видно. Въ парикмахерской слышалъ разговоры: „Всѣ заводы работаютъ". Главное, странно, что демонстрантамъ позволяютъ свободно ходить по улицамъ, точно заманиваютъ.



Изъ Парикмахерской пошелъ завтракать къ Кюба. Тамъ все по старому, только рублевый завтракъ сталъ стоить 3 рубля. Даже бѣлаго винца въ бутылкѣ изъ подъ Нарзана дали. Публика тоже старая: сытая, спокойная, денежная.

Эти люди дѣлаютъ деньги на войнѣ, а тѣ... тѣ замерзаютъ въ грязныхъ вагонахъ.

**25-го февраля.**

Метался между конторой, институтомъ и министерствомъ. Въ городѣ, говорятъ, безпорядки усиливаются, но носятъ они совершенно неорганизованный характеръ. Въ нашемъ районѣ тишина и спокойствіе. Что это? Случайная вспышка изголодавшихся людей, или провокація? Боюсь, что послѣднее. Однако, о серьезныхъ столкновеніяхъ съ полиціей и войсками до вечера ничего слышно не было. Къ вечеру въ конторѣ со словъ очевидца разсказывали, что около Николаевскаго вокзала казакамъ было предложено врубиться въ толпу, но казачій офицеръ въ отвѣтъ на это распоряженіе отрубилъ голову приставу. Если это такъ, то положеніе дѣлается серьезнымъ. Однако, все это на руку только правительству. Безпорядки будутъ раздавлены и явятся предлогомъ для новыхъ репрессалій и... сепаратнаго мира. Надо сидѣть по угламъ. Я апплодирую рабочимъ, что они не выходятъ на улицу. Какъ не говорите, а послѣ 1905 г. въ дѣлѣ политическаго воспитанія, массы далеко шагнули впередъ. И каковы бы ни были двѣ послѣднія Думы, самъ фактъ существованія парламента, хотя только какъ отдушины для свободнаго слова — сдѣлалъ свое дѣло.

Въ Министерствѣ жизнь идетъ нормально. На фронтъ мнѣ не вернуться. Буду заниматься углемъ. При Кригерѣ быть можетъ это и возможно.

**26-го февраля.** (Воскресенье.)

Отдыхалъ у себя дома, въ Царскомъ. Кажется, все успокаивается. Но, конечно, это повѣстка. Проиграемъ мы войну, будетъ не только революція, но, вѣроятно и поножевщина. Просто будутъ рѣзать тѣхъ, у кого на рукахъ нѣтъ мозолей. Выиграемъ — всетаки маленькой революціи не избѣжать. А сейчасъ надо воевать и на провокацію не идти.

**27-го февраля.** (Понедѣльникъ).

Съ утра поѣхалъ въ Петроградъ. Прежде всего пошелъ въ Институтъ и далъ объявленіе о возобновленіи лекцій со среды. Затѣмъ цѣлый день занимался въ конторѣ. Пришедшіе съ Выборгской стороны Волькенау разсказывали, что на Кирочной идетъ стрѣльба и устроена баррикада. Выстрѣлы слышны и у насъ. Кто и въ кого стрѣляютъ — это не ясно. Повидимому, начался разстрѣлъ демонстрантовъ, но часть войскъ перешла на ихъ сторону. Какъ это все не ко времени. А всетаки, несмотря на все безразсудство этихъ вооруженныхъ столкновеній, какое то радостное чувство колышется въ душѣ. Вѣдь, всетаки часть солдатъ за народъ.

Хотѣлъ проѣхать къ зубному врачу, но онъ предупредилъ по телефону, что на Пушкинской тоже не спокойно. Проѣхать нельзя.

Говорятъ, что на чердакахъ разставлены пулеметы, изъ которыхъ городовые стрѣляютъ въ народъ. Еще въ декабрѣ Миша (мой двоюродный братъ — офицеръ) разсказывалъ, что жандармовъ и городовыхъ обучаютъ стрѣльбѣ изъ пулеметовъ. Суммируя все, ясно, что это провокація.

Домой возвращался съ нововременскимъ Меньшиковымъ. Онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что Протопоповъ опубликовалъ давно подписанный Царемъ указъ о роспускѣ Думы и что всѣ министры, кромѣ самого Протопопова, подали въ отставку. Газетъ нѣтъ.

**28-го февраля.** (Вторникъ.)

Съ утра въ Петроградъ не поѣхалъ, а засѣлъ подготовляться къ завтрашней лекціи. Каковы бы ни были событія, надо исполнять свои служебныя обязанности. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ серьезности положенія, послѣ 3-часового чая наняли мы съ женой извощика и поѣхали вокругъ Александровскаго дворца. Стражи очень мало, а шпиковъ совсѣмъ не видно. Впечатлѣніе такое, что во дворцѣ никого нѣтъ; картина, примѣрно, лѣтняя. Вѣроятно, потихоньку царская семья дала тягу. Повидимому, положеніе серьезно.

Возвращаясь домой, встрѣтилъ на улицѣ разрозненныя части Волынскаго полка съ очень большимъ числомъ офицеровъ. Вскорѣ Вова (мой сынъ, тогда гимназистъ VIII класа) по телефону изъ 4 Стрѣлковаго полка отъ товарища узналъ, что Волынскій полкъ, за исключеніемъ этихъ частей, сталъ на сторону народа. Эти же части пришли пѣшкомъ изъ Петрограда въ 4 полкъ. Тамъ офицеры ихъ встрѣтили хорошо, но солдаты начали волноваться.

Только что мы пообѣдали, какъ жену вызвали въ лазаретъ. По слухамъ, ночью предполагается взорвать управленіе дворцовой полиціи, которое какъ разъ противъ лазарета. Надо готовиться къ пріему раненыхъ.

Да, положеніе становится серьезно. Но если даже весь петроградскій гарнизонъ перейдетъ на сторону народа, то и тогда ничего не значитъ. Придетъ съ фронта дикая дивизія съ артиллеріей, и отъ всего возстанія только мокро останется. Но всетаки какъ то противно въ такія минуты сидѣть дома, сложа руки. Хотѣлъ позвонить въ Петроградъ; телефонъ не дѣйствуетъ.

Къ девяти жена вернулась изъ лазарета и разсказывала много интереснаго. Во первыхъ, придя въ лазаретъ, она застала тамъ человѣкъ десять новыхъ офицеровъ, которые

сами себя бинтовали. Оказалось, что это волынцы, которыхъ попросили уйти изъ 4-го полка. Солдатъ они погнали походнымъ порядкомъ въ Гатчину, а сами рѣшили симулировать раненыхъ. Жена категорически попросила о выходѣ. Затѣмъ въ лазаретъ явилась жена начальника дворцовой полиціи, Герарди, съ двумя дѣтьми. Она попросила убѣжища въ ожиданіи разгрома управленія, гдѣ помѣщалась и ихъ квартира. Имъ позволили остаться. Дѣти уснули, а сама Герарди стала поносными словами ругать Александру Федоровну: изъ за нея де теперь должны погибать такіе хорошіе люди. Обѣ лучше.

Вовѣ по телефону передали, что въ 4 полку волненія усиливаются. 3-ій полкъ прислалъ делегатовъ.

Сѣли пить чай. Настроеніе тревожное. Чего то ждешь каждую минуту. Я завидую женѣ: у нея есть дѣло. Въ кухню кто то пришелъ. Шлепаютъ босыя ноги кухарки. Она подаетъ мнѣ служебную телеграмму:

„Изъ Петрограда № 6995 подана 28 февраля 19 час. 15 мин. принята 28 февраля 19 час. 35 мин. Любаровой. Разрядъ 1 число словъ 28. Военная. Инженеру Ломоносову ст. Царское Село. Прошу васъ срочно прибыть Петроградъ Министерство Путей Сообщенія, гдѣ на подъѣздѣ прикажите караулу доложить мнѣ. По порученію Комитета Государственной Думы Членъ Думы Бубликовъ".

Караулъ? Дума? Бубликовъ? Ничего не понимаю. Дума захватила Министерство? Четвертая Дума. Это уже революція...во главѣ съ четвертой Думой? Или это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ исторіи, или балаганъ. Дрожащей рукой подписываю росписку и передаю женѣ телеграмму. Что дѣлать? Ѣхать? Но черезъ 2 — 3 дня подойдутъ съ фронта войска ... Такъ говорилъ умъ, но въ то же время проснулся и инстинктъ стараго революціонера. Какъ полковая лошадь, услыхавъ трубу, я пересталъ думать, всталъ и сказалъ женѣ: „Ѣду. Собери мнѣ кама*) на тюремное положеніе". Черезъ 10 минутъ я уже шагалъ по темному пустынному Царскосельскому бульвару. Я отчетливо понималъ, что черезъ 2 — 3 дня буду въ Петропавловкѣ, но думалъ: „Запасный рядовой не можетъ уклоняться отъ революціи. Былъ десять лѣтъ въ запасѣ, а теперь опять требуютъ... Долженъ идти". На углу попался извощикъ, и я поспѣлъ къ десятичасовому поѣзду. Газеты не вышли. Чтобы сберечь мозги отъ праздныхъ мыслей для серьезной работы, купилъ себѣ на вокзалѣ какую то глу-

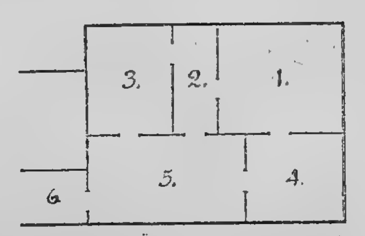
*) Такъ на языкѣ моихъ дѣтей называлась у насъ въ семьѣ моя ручная дорожная сумка.

лѣйшую книжечку и углубился въ чтеніе. Въ вагонѣ перваго класса я былъ одинъ. Прошелъ контроль. Отъ него я узналъ, что Дума отказалась разойтись и что весь петроградскій гарнизонъ перешелъ на ея сторону.

Пріѣхали въ Петроградъ. Улицы не освѣщены. Стрѣльба. Вблизи отдѣльные ружейные выстрѣлы; гдѣ то далеко трещатъ пулеметы. Похоже на войну, но есть какая то разница. Музыка, да не та.

На площади у вокзала еще видны были люди; но на Обуховской канавѣ ни души. Жутко, стрѣльба, темь. Нащупываю въ карманѣ тылового пальто безъ погонъ револьверъ и Бубликовскую телеграмму. Выхожу на Фонтанку. Два-три прохожихъ. Стрѣльба совсѣмъ близко. Вотъ идетъ патруль. Солдаты косятся на мою зеленую подкладку и молча проходятъ мимо; на рукавахъ у нихъ красная повязка.

У министерства много солдатъ. Вхожу. Въ сѣняхъ тоже солдаты. Большинство спитъ. Главнаго швейцара нѣтъ. Его помощникъ съ растерянным лицомъ снимаетъ съ меня пальто и говоритъ: „Вотъ до чего мы дожили, Ваше Превосходительство“. Я его спрашиваю, гдѣ Бубликовъ. „Въ кабинетѣ Начальника Управленія желѣзныхъ дорогъ; только безъ пропуска къ нимъ нельзя“. Молча подаю солдату телеграмму Бубликова. Онъ тоже молча долго ее читаетъ. Въ это время подходитъ унтеръ-офицеръ, они оба углубляются въ нее и, наконецъ, меня ведутъ вверхъ по хорошо знакомой лѣстницѣ. Ни на ней, ни въ корридорѣ ни души. Входимъ въ большую темную пріемную начальника управленія. Изъ кабинета Устругова вышелъ худощавый гусарскій ротмистръ




съ пушистыми усами. Я ему подалъ телеграмму: „Господинъ комиссаръ занятъ. Подождите“, строго отвѣтилъ онъ мнѣ и ушелъ. Жду. Ни пройтись, ни присѣсть негдѣ. Хотѣлъ выйти въ корридоръ, солдаты не пустили. Стою. Проходитъ четверть часа, полчаса, сорокъ минутъ. Вижу, что какая то чепуха, ибо въ телеграммѣ сказано „срочно“. Рѣшительно вхожу въ кабинетъ къ Устругову; тамъ сидитъ гусарскій ротмистръ, поручикъ - семеновецъ, экзекуторъ управленія и

5—6 неизвѣстныхъ людей. Ротмистръ крайне непривѣтливо встаетъ на встрѣчу мнѣ, но экзекуторъ что то ему шепчетъ на ухо, и онъ исчезаетъ въ дверяхъ кабинета начальника управленія. „Пожалуйте. Извиняюсь“.

Кабинетъ ярко освѣщенъ. Сторожа забиваютъ окна солдатскимъ сукномъ. Бубликовъ, возбужденный, радостно сидитъ за столомъ начальника управленія. Передъ нимъ, съ видомъ человѣка, пораженнаго громомъ, безпомощно откинувшись на спинку большого кресла, сидитъ товарищъ министра Козыревъ. Личность по истинѣ рѣдкая: ярый черносотенецъ, самодуръ и въ тоже время честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Въ министерствѣ его всѣ трепетали... и уважали. Кромѣ нихъ я въ кабинетѣ увидѣлъ незнакомаго штатскаго и моего товарища по институту Перлова. Онъ состоялъ главнымъ инженеромъ на Минусинской дорогѣ, гдѣ Бубликовъ былъ предсѣдателемъ правленія.

— А вотъ и онъ. Наконецъ-то, произнесъ Бубликовъ. Вамъ извѣстны послѣднія событія?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Дума отказалась исполнить Высочайшій указъ о роспускѣ и избрала Комитетъ, къ которому перешла вся власть. Министры, кромѣ скрывшагося Протопопова, арестованы. Угодно ли вамъ признать эту новую власть?

— Да, угодно, — отвѣтилъ я и невольно, посмотрѣлъ на Козырева. Тотъ одобрительно закачалъ головой.

— Угодно ли вамъ предоставить себя въ распоряженіе новаго правительства?

— Да, угодно.

Бубликовъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и просилъ меня сѣсть. Начался довольно несвязный разговоръ о томъ, что мнѣ надо немедленно ѣхать въ Москву на Московско-Кіево-Воронежскую дорогу, которая не исполняетъ какъ слѣдуетъ воинскихъ перевозокъ. Изъ разговора выяснилось, что въ столь же срочномъ порядкѣ Перловъ ѣдетъ на Кавказъ доканчивать Черноморскую дорогу. Я какъ то не могъ понять, на какое амплуа насъ посылаютъ, и не есть ли это дѣлежъ шкуры медвѣдя, еще гуляющаго въ лѣсу.

— Кѣмъ же я ѣду?

— А вы какъ хотите — Управляющимъ или Предсѣдателемъ Правленія?

— Я думаю, что посылать меня Управляющимъ безполезно; вѣдь я буду въ зависимости отъ Правленія, которое вы же, Александръ Александровичъ, подозрѣваете чуть ли не въ измѣнѣ.

— Да, вѣрно. Я смѣщу Правленіе и васъ назначу Предсѣдателемъ. Кажется, уставъ даетъ на это право. Завтра юрисконсультъ наведетъ справки. Когда вы ѣдете.

— Когда прикажете. Позвольте мнѣ до завтрашняго дня остаться здѣсь и ознакомиться съ общимъ положеніемъ. Я еще многое не понимаю. Какъ Москва? Гдѣ и какъ Царь? Насколько ваша власть признается? Можетъ быть я пригожусь этой ночью вамъ и здѣсь.

Въ это время изъ кабинета Устругова вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ, что императорскій поѣздъ идетъ въ Бологое.

— А что съ нимъ предполагается дѣлать дальше? спросилъ я.

— Еще не рѣшено, — отвѣтилъ Бубликовъ. — Сейчасъ буду говорить съ Родзянкой по телефону. Вотъ что, дорогой, обѣщали вы помогать, такъ прослѣдите за царскимъ поѣздомъ.

Вмѣстѣ съ высокимъ молодымъ человѣкомъ я вошелъ въ кабинетъ Устругова. Тамъ были офицеры и экзекуторъ. Молодой человѣкъ вышелъ, а я спросилъ экзекутора, кто это такой. „Членъ Думы Рулевскій“ отвѣчалъ тотъ: „помощникъ Александра Александровича“. Мнѣ показалось это страннымъ. Такого депутата что то не было. Посмотрѣлъ въ списокъ членовъ Думы, который былъ въ шкапу у Устругова. Нѣтъ. Подозрительно. Пошелъ къ Бубликову; спрашиваю его, кто это такой?

— А чортъ его знаетъ, когда я искалъ на улицѣ солдатъ, чтобы занять Министерство, онъ присталъ до мнѣ. Кажется, служитъ гдѣ то на дорогѣ. Толковый. А тамъ, кто его знаетъ. Телеграфъ онъ прибралъ къ рукамъ. А вотъ это другой доброволецъ, мой старинный другъ присяжный повѣренный Сидѣльниковъ. Онъ юрисконсультъ нашей дороги, — познакомилъ онъ меня съ неподвижно сидѣвшимъ въ его кабинетѣ господиномъ.

— А офицеровъ Вы знаете?

— Нѣтъ, одинъ изъ Думы, а другой самъ сюда пришелъ.

Жутко мнѣ стало... Пошелъ по Министерству, чтобы оріентироваться. Пусто, темно. 2—3 дежурныхъ чиновника въ эксплоатаціонномъ отдѣлѣ. Полная смѣна телеграфистовъ, возбужденныхъ, радостныхъ. Ими командуетъ неизвѣстный Рулевскій. Рота Семеновцевъ подъ командой тоже неизвѣстнаго гусара.

Началъ я бесѣдовать съ Рулевскимъ. Малый откровенный. Мы съ нимъ сразу сошлись. Онъ счетоводъ службы сборовъ Сѣверо-Западныхъ ж. д.; бывшій пепесовецъ (P. P. S.), а

теперь большевикъ. Когда Бубликовъ поѣхалъ занимать Министерство, Рулевскій предложилъ ему свои услуги и былъ очень полезенъ ему своими партійными связями среди телеграфистовъ.

Изъ его разсказовъ, а также изъ отрывочныхъ разговоровъ съ Бубликовымъ, стараюсь прежде всего уловить общій ходъ событій и уяснить себѣ настоящее положеніе. До извѣстной степени этому помогъ мнѣ и выпущенный Петроградскими журналистами бюллетень. Его раздавали на улицахъ, оказывается, безплатно. Вырисовывается такая картина:

27 Февраля около 2 часовъ дня въ думу былъ доставленъ Царскій указъ объ ея роспускѣ. Родзянко закрылъ засѣданіе Думы и пригласилъ членовъ на частное совѣщаніе въ Полуциркульный залъ. Тамъ онъ прочиталъ указъ. Никакой резолюціи по его поводу ни Дума, ни это совѣщаніе не приняли. Но послѣ долгихъ преній былъ избранъ изъ 12 членовъ „комитетъ Государственной Думы для поддержанія порядка въ Петроградѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами". Въ этотъ комитетъ вошли:

1. М. В. Родзянко (октябристъ),
2. Н. В. Некрасовъ (кадетъ),
3. А. И. Коноваловъ (правѣе кадетовъ),
4. М. И. Дмитрюковъ (октябристъ),
5. А. Ф. Керенскій (с. р.),
6. М. С. Чхеидзе (меньшевикъ),
7. В. В. Шульгинъ (правый),
8. С. И. Шидловскій (октябристъ),
9. П. Н. Милюковъ (кадетъ),
10. М. А. Карауловъ (казакъ),
11. В. Н. Львовъ (правый),
12. В. А. Ржевскій (прогрессистъ).

Еще комитетъ не былъ избранъ, какъ толпа привела въ Думу перваго арестованнаго — Щегловитова. Родзянко растерялся, но Керенскій объявилъ его арестованнымъ именемъ народа и заключилъ его въ Министерскомъ павильонѣ. За Щегловитовымъ появились и другіе арестованные сановники. Комитетъ никакихъ указовъ объ арестахъ не давалъ. Толпа хватала наиболѣе ненавистныхъ представителей стараго порядка и тащила въ Думу. Тамъ кое-кого отпустили, а остальныхъ стали сажать въ Министерскій павильонъ.

Раннимъ утромъ 28-го февраля къ Думѣ подошелъ почти въ полномъ составѣ Волынскій полкъ. Положеніе Родзянко было поистинѣ трагическое. Онъ только что послалъ

Царю телеграмму, рекомендуя назначить новаго премьера*), а вдругъ вооруженный бунтъ. Говорятъ, около двухъ часовъ стояли солдаты на морозѣ, пока колебалось сердце этого стараго монархиста. Наконецъ онъ вышелъ.

— Смирно... оо!

— Ребята, я самъ старый солдатъ!... Я понимаю, что привело Васъ сюда. Вы не измѣнили присягѣ. Какъ вѣрные сыны родины, вы пришли спасти ее и Царя... Позвольте мнѣ, какъ старому солдату, привѣтствовать васъ... Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, Ваше Высокопревосходительство. Не кончилъ Родзянко съ Волынцами, какъ опять гремитъ музыка. Подходитъ другой полкъ (кажется, Литовскій).

Пришлось какъ нибудь организовать революціонное войско. Въ комитетъ былъ введенъ для этого членъ Думы Энгельгардтъ. Онъ отставной полковникъ генеральнаго штаба, октябристъ. Его назначили какъ бы комендантомъ Петрограда**)... Но повидимому взять фактически гарнизонъ въ свои руки ему не удалось еще. Толпы солдатъ орудуютъ на улицахъ вполнѣ самочинно. Производятъ аресты, разбиваютъ тюрьмы, поджигаютъ полицейскіе участки.

Сегодня, 28 февраля Думскій Комитетъ выпустилъ два воззванія.

Вотъ они:

I.

„Временный комитетъ Государственной Думы обращается къ жителямъ Петрограда, а также съ призывомъ во имя общихъ интересовъ щадить государственныя и общественныя учрежденія и приспособленія, какъ-то: телеграфъ, водокачки, электрическія станціи, трамваи, а также правительственныя мѣста и учрежденія. Равнымъ образомъ комитетъ Государственной Думы поручаетъ охранѣ гражданъ заводы и фабрики, какъ работающія на оборону, такъ и общаго пользованія. Необходимо помнить, что порча и

---

*) Вотъ текстъ этой депеши:

„Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца.“

**) Съ этого момента Думскій Комитетъ началъ просто называться Исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы.

уничтоженіе учрежденій и имуществъ, не принося никому пользы, причиняютъ огромный вредъ, какъ государству, такъ и всему населенію, ибо всѣмъ одинаково нужна вода, свѣтъ и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равнымъ образомъ имущества частныхъ лицъ. Пролитіе крови и разгромъ имущества лягутъ пятномъ на совѣсть людей, совершившихъ эти дѣянія и могутъ принести кромѣ того неисчислимыя бѣдствія всему населенію столицы.

Предсѣдатель Государственной Думы
Михаилъ Родзянко".

II.

„Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами старого правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Государственной Думы
Михаилъ Родзянко".*)

Пока, однако, занято только Министерство Путей Сообщенія. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Бубликову. Съ трудомъ получивъ согласіе Родзянко, Бубликовъ набралъ на улицѣ солдатъ, Рулевскаго, Сосновскаго, вызвалъ своихъ друзей Перлова и Сидѣльникова и въ столь случайной компаніи прибылъ около 3 часовъ въ Министерство. Разставивъ караулъ вокругъ всѣхъ входовъ, Бубликовъ прямо прошелъ въ кабинетъ Начальника Управленія Желѣзныхъ Дорогъ. Туда сбѣжалось все начальство, кромѣ Министра. Объявивъ о томъ, что Думскій Комитетъ взялъ власть въ свои руки, онъ отвелъ въ сторону Начальника Управленія Богашева и объявилъ ему, что въ его же интересахъ онъ его арестовываетъ и отправляетъ въ Таврическій Дворецъ. Затѣмъ Бубликовъ прошелъ въ кабинетъ къ Министру и отъ имени Думы предложилъ ему оставаться на

---

*) Это воззваніе являлось какъ бы переломомъ дѣятельности Думскаго Комитета. Изъ телеграммъ Родзянко отъ 27 февраля ясно, что онъ вѣрилъ еще въ то, что порядокъ будетъ возстановленъ кѣмъ то назначеннымъ Царемъ. „Вотъ придетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ." А вдругъ пришлось самому выступать за „барина".

посту. Тотъ отказался, ссылаясь на разстроенные нервы. Бубликовъ въ интересахъ его безопасности, объявилъ его подъ домашнимъ арестомъ и приставилъ стражу къ дверямъ его кабинета.

Рулевскій очень образно, въ лицахъ представлялъ мнѣ, какъ обрадовались приходу Бубликова, совершенно обезумѣвшіе отъ страха статскіе и дѣйствительные. На всѣхъ физіономіяхъ такъ и было написано: „Ну, слава Богу, теперь мы уже заняты!“

Выйдя отъ Министра Бубликовъ отправилъ по всѣмъ станціямъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ слѣдующую депешу:*)

„Желѣзнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всѣхъ областяхъ государственной жизни, оказалась безсильной.

Комитетъ Государственной Думы, взявъ въ свои руки оборудованіе новой власти, обращается къ вамъ отъ имени отчества: отъ васъ теперь зависитъ спасеніе родины. Движеніе поѣздовъ должно поддерживаться непрерывно съ удвоенной энергіей.

Страна ждетъ отъ васъ больше чѣмъ исполненіе долга — она ждетъ подвига.

Слабость и недостаточность техники на русской сѣти должна быть покрыта вашей беззавѣтной энергіей, любовью къ родинѣ и сознаніемъ своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла.“

---

*) Эта телеграмма въ мартовскіе дни сыграла рѣшающую роль: къ утру 1-го марта, т. е. за два дня до отреченія Николая, вся Россія, или по крайней мѣрѣ та часть ея, которая лежитъ не дальше 10—15 верстъ отъ желѣзныхъ дорогъ, узнала, что въ Петроградѣ произошла революція. Отъ боевого фронта до Владивостока, отъ Мурманска до Персидской границы, на каждой станціи получилась эта телеграмма. Сомнѣній не было. Старая власть пала; новая родилась. Послѣ этого отреченіе Николая и Михаила казалось второстепенной формальностью. Изъ телеграммъ Бубликова всѣ знали, что уже 28 февраля фактически власть была въ рукахъ Думы. Было ли такъ на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ. Бубликовъ поступилъ такъ же, какъ Бисмаркъ съ Эмской телеграммой. Онъ подправилъ дѣйствительность. Этимъ онъ оказалъ громадную, еще не сознанную, услугу русской революціи и въ то же время задержалъ ея естественное теченіе, окруживъ Думу совершенно незаслуженнымъ ореоломъ.

Первое впечатлѣніе всегда самое сильное. Изъ телеграммы Бубликова вся Россія впервые узнала о революціи и поняла, что ее сдѣлала Дума. Нужны были мѣсяцы, чтобы гуща русскаго народа поняла эту фальсификацію. Но тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что Бубликовъ нашелъ въ себѣ смѣлость торжественно увѣдомить всю Россію о созданіи новой власти въ то время, когда фактически еще никакой власти не было, предотвратило на мѣстахъ даже тѣнь контръ-революціонныхъ выступленій.

Вторымъ распоряженіемъ Бубликова явилась телеграмма о недопущеніи движенія какихъ бы то ни было воинскихъ поѣздовъ въ раіонѣ 250 верстъ отъ Петрограда; предосторожность не лишняя: съ фронта на Петроградъ могутъ направить войска.

Все это хорошо. Но насколько наши распоряженія будутъ исполняться на мѣстахъ? Спускаюсь вмѣстѣ съ Рулевскимъ въ Эксплоатаціонный отдѣлъ и телеграфъ. Тамъ кипитъ работа. Идетъ разговоръ со Ставкой о работѣ Рязанско-Уральской ж. д. въ связи съ запасами. Поступаютъ суточныя свѣдѣнія о работѣ дорогъ. Это хорошо, но все таки не это главное. Нужна связь съ начальствующими лицами, нужна увѣренность, что Бубликовъ дѣйствительно является хозяиномъ положенія на желѣзныхъ дорогахъ.

**1-го марта.**

За этими сомнѣніями застала меня полночь. Иду къ Бубликову и съ его благословенія начинаю вызывать по телефону начальствующихъ лицъ Петроградскаго узла, настрого приказавъ сообщить мнѣ, когда Императорскій поѣздъ подойдетъ къ Вишерѣ.

— Центральная Николаевской? Соедините меня съ начальникомъ дороги инж. Невѣжинымъ.

— Ни кабинетъ, ни квартира не отвѣчаютъ.

— Соедините съ помощникомъ.

— Одинъ уѣхалъ встрѣчать Императорскій поѣздъ, другой боленъ.

— Дайте начальника движенія!

— Нельзя добиться.

— Дайте дежурнаго по движенію.

— Я дежурный по движенію.

— Я Ломоносовъ, по порученію комиссара Думы Бубликова. Вы мой голосъ узнаете?

— Такъ точно. Что прикажете?

— Гдѣ Начальникъ Движенія?

— Похоже — боленъ, добиться нельзя по телефону. Пошли на квартиру, дверей не отворяютъ.

— Кто же есть?

— Помощникъ Начальника Движенія инж. Кожевниковъ. Онъ на квартирѣ, только Вамъ его не добиться, у него номеръ неправильный. Позвольте, я Вамъ его вызову?

— Я — Кожевниковъ. Это Вы, Юрій Владиміровичъ?

— Я Ломоносовъ. Какъ у Васъ съ поѣздами?

— Идутъ болѣе или менѣе нормально. Вы изъ Министерства?

— Да, я говорю по порученію члена Государственной Думы Бубликова. У Васъ какая то заминка съ начальствомъ? Повидимому, начальникъ дороги и начальникъ движенія больны? На Васъ лежитъ вся отвѣтственность за правильность движенія. Кто кромѣ Васъ можетъ работать?

— Другой помощникъ Страховъ.

— Ну, и прекрасно. Вы можете смѣняться съ нимъ. Но пока что, день и ночь въ конторѣ или у телефона должны быть Вы или онъ. Положеніе слишкомъ отвѣтственное.

— Какъ прикажете съ Императорскимъ поѣздомъ?

— А что?

— Онъ имѣетъ назначеніе Лихославль — Тосно — Александровская — Царское, но какъ бы въ Тосно или даже въ Любани чего ни случилось.

— Вы получите, если это будетъ нужно, новое назначеніе. А каково настроеніе служащихъ?

— Всѣ на сторонѣ Думы, но очень злы на Невѣжина (Нач. Дор.) и въ особенности на Дьякова (Нач. Движенія). Можно ждать эксцессовъ.

— До свиданія! Будьте спокойны и рѣшительны. На Васъ смотритъ вся Россія. Примите всѣ мѣры къ усиленію подвоза продовольствія. Служащіе должны доказать, что при новомъ режимѣ они могутъ работать еше лучше, чѣмъ при старомъ.

Примѣрно такой же разговоръ произошелъ и съ Сѣверо-Западными ж. д. Но тамъ оказалось, что начальникъ дороги гофмейстеръ Валуевъ былъ арестованъ въ моментъ отъѣзда навстрѣчу Царскому поѣзду, а затѣмъ по дорогѣ въ Думу убитъ. Начальникъ же движенія Берхъ совершенно потерялъ голову. Пришлось тоже временно возложить всю распорядительную власть на помощника начальника движенія инж. Лобанова. Объ убійствѣ Валуева доложилъ Бубликову. Онъ говорилъ по телефону съ инж. В. С. Павловскимъ и назначилъ его начальникомъ Сѣверо-Западныхъ дорогъ. Сейчасъ же ночью объ этомъ по дорогѣ была дана соотвѣтственная депеша. Ее подписалъ смѣнившій Козырева товарищъ министра Борисовъ.

Совершенно иное положеніе оказалось на Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. Тамъ все высшее начальство во главѣ съ управляющимъ М. Е. Правосудовичемъ перебралось на вокзалъ въ квартиру начальника отдѣленія службы движенія и установило безсмѣнное дежурство у телеграфа и телефона. Тамъ интересовались только, надежно ли Министерство, и какъ на другихъ дорогахъ.

Когда эти разговоры кончились, было уже около трехъ часовъ. Для меня стало ясно, что размѣниваться на звонки по телефону я не могу. А вести такіе разговоры необходимо. Надо быть въ курсѣ происходящаго на дорогахъ, надо руководить ими. Надо связаться съ Москвой, Харьковомъ, Кавказомъ, Сибирью. Пришелъ экзекуторъ и уговорилъ меня лечь въ одной изъ комнатъ на диванѣ. Мнѣ, однако, не спалось, я думалъ о необходимости организаціи особаго отдѣла революціонной службы связи. Рулевскій хорошъ, но онъ одинъ, а надо непрерывное дежурство. Нужно имѣть 2—3 надежныхъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ бы всегда у телефона и говорилъ бы съ дорогами и другими учрежденіями, при нихъ нужны еще телефонные мальчики для соединенія . . . Нужны автомобили . . .

Такъ я и не заснулъ. Около $3^3/_4$ мои мысли были прерваны возгласомъ Рулевскаго: „Императорскій поѣздъ подходитъ къ Малой Вишерѣ*). Вскакиваю и иду къ Бубликову. Онъ спитъ. Разбудить его нѣтъ никакой возможности. Бурчитъ, ругается и упрямо ложится опять. Оставляю при немъ Рулевскаго, а самъ бѣгу къ телефону.

— Государственная Дума? Соедините съ Предсѣдателемъ. Михаилъ Владиміровичъ, Вы?

— Я Родзянко. Кто говоритъ?

— Министерство Путей Сообщенія. По полномочію коммиссара Бубликова, членъ Инженернаго Совѣта Ломоносовъ. Вы меня знаете? . . .

— Что Вамъ угодно?

— Императорскій поѣздъ въ Малой Вишерѣ. Что прикажете съ нимъ дѣлать?

— Сейчасъ обсудимъ. Позовите Бубликова!

Черезъ нѣсколько минутъ подходитъ Бубликовъ.

— Да, это я, Бубликовъ . . . Но что же дѣлать? Везти въ Царское? Въ Петроградъ? Держать въ Вишерѣ? Ждать? Чего и сколько? Хорошо, будемъ ждать . . . Не могутъ рѣшиться, раздраженно бросилъ мнѣ Бубликовъ, вѣшая трубку.

Пошли длинныя минуты. Изъ телеграфа принесли записку: „Малая Вишера. Въ Императорскомъ поѣздѣ генералъ Фурса и помощникъ нач. дороги Кернъ. Идетъ совѣщаніе. Смазчики испортили передній паровозъ.“

Комендантъ Грековъ изъ Петрограда даетъ назначеніе поѣзду на Петроградъ. Явная чепуха, каждый дѣлаетъ, что на умъ взбредетъ. Опять звонимъ въ Думу — „Еще не рѣшили?“ . . . Ждемъ. Опять записка: „Малая Вишера. По

* Малая Вишера въ 154 верстахъ отъ Петрограда.

распоряженію инж. Керна въ 4.50 поѣздъ литера А отправился обратно въ Бологое.“ Звонимъ въ Думу.

— Задержать?

— Еще не рѣшено. Слѣдите за поѣздомъ. Когда положеніе выяснится, получите указаніе.

Я растерянно развожу руками.

— Совѣщаются съ Совѣтомъ, говоритъ Рулевскій.

— Съ какимъ Совѣтомъ?

— Да Вы развѣ не знаете, что по примѣру 1905 г. еще третьяго дня образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Чхеидзе — предсѣдатель, Скобелевъ и Керенскій — товарищи. Развѣ съ Думцами революцію сдѣлаешь?... Сами видите, какую они канитель тянутъ... Совѣтъ выпустилъ уже два воззванія. Вотъ они. — И онъ передалъ мнѣ два листка:

I.

„Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“.

Граждане! Засѣдающіе въ Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что первое засѣданіе ихъ представителей состоится сегодня, въ 7 час. веч. въ помѣщеніи Государственной Думы. Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту.

Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу. Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, избираютъ по одному депутату.

27-го февраля 1917 г. *)

II.

„28-го февраля.

Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть дальше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба Царское правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается — она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно

---

*) Фактъ, достойный быть занесеннымъ на скрижали исторіи: Совѣтъ образовался въ одинъ день съ Думскимъ комитетомъ и на 5 дней раньше Временнаго Правительства. Его первое обращеніе къ населенію предшествовало на цѣлый день приведенному выше воззванію Комитета.

низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27 февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ — изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ раіонныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ раіонахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ раіонахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами, будемъ бороться за полное устраненіе стараго правительства и созывъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права."

Совѣтъ Рабочихъ депутатовъ.

— Но когда же выборы успѣли произвести?

— Ахъ Вы, Акимъ простота! Какіе теперь выборы! Пришли въ Думу рабочіе, солдаты, революціонеры — ну, вотъ и Совѣтъ! Конечно вошли и думскія соціалистическія фракціи. Нужно же создать революціонный центръ. Не Гучковъ же съ Родзянкой будутъ дѣлать революцію.

Все это трудно укладывается въ моей головѣ. Но думать некогда. Надо дѣлать свое дѣло. Звоню опять по дорогамъ. Всѣ на мѣстахъ. Добиваюсь Москвы. Кромѣ Александровской, гдѣ служащіе арестовали начальника дороги и начальника движенія, все въ порядкѣ. Докладываю Бубликову о необходимости назначить въ Москвѣ начальника узла и его помощника. Соглашается, но телеграмму подписать не хочетъ. — „Пусть подписываетъ Козыревъ или Борисовъ." Это мнѣ не нравится. Вѣдь служащіе на дорогахъ послѣ первой телеграммы Бубликова знаютъ о революціи и о томъ, что онъ комиссаръ, но что Козыревъ и Борисовъ состоятъ подъ его командой, этого они не знаютъ и легко могутъ подумать, что тѣ „отъ себя воруютъ."

Начинаю организовывать службу связи. Центромъ ея избираю кабинетъ Устругова: рядомъ съ Бубликовымъ, да и, кромѣ того, тамъ есть 3 телефона: 2 городскихъ и одинъ министерскій. Первый день въ той же комнатѣ продолжали сидѣть офицеры, выдававшіе всѣмъ служащимъ пропуска, но 2 Марта мы ихъ выселили въ кабинетъ Рейслера, а затѣмъ въ секретарскую. Вызываю своего старого „боевого" сослуживца по опытамъ, Г. В. Лебедева, и прошу ихъ съ Рулевскимъ взять на себя обязанность дежурныхъ. Утромъ на другой день къ имъ присоединился чиновникъ Министерства Араповъ — старый движенецъ (кадетъ). Оффиціально они дежурили по 12 часовъ и затѣмъ отдыхали по 24 часа, но фактически имъ приходилось нести еще разныя порученія.

Около половины десятаго ко мнѣ явилась депутація отъ моихъ слушателей изъ Института Путей Сообщенія. Они сообщили, что Институтъ занятъ пѣхотнымъ полкомъ, пришедшимъ изъ Петергофа. Я ихъ моментально использовалъ. Они позвонили товарищамъ и къ серединѣ дня въ моемъ распоряженіи было уже около 20 расторопныхъ студентовъ-путейцевъ. Каждому дежурному было дано на побѣгушки по 4 студента, а остальные оставались въ моемъ распоряженіи. Но и этого штаба оказалось недостаточнымъ. Дежурные сбились съ ногъ. Пришлось каждому изъ нихъ дать по помощнику. Что касается автомобилей, то съ Николаевской ж. д. удалось получить два, отъ Электрическаго общества 1886 г. — одинъ.

Я забѣжалъ однако впередъ . . . Около 9 утра изъ Бологого сообщили, что Царскій поѣздъ прибылъ туда. Опять звонки въ Думу. Но этотъ разъ рѣшеніе послѣдовало: „Задержать поѣздъ въ Бологомъ, передать Императору телеграмму Предсѣдателя Думы и назначить для этого послѣдняго экстренный поѣздъ до ст. Бологое." — Въ телеграммѣ Родзянко указывалъ на критическое для трона положеніе и просилъ свиданія. Телеграмма эта была передана подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ въ Царскій поѣздъ подъ росписку Воейкова, но отвѣта не послѣдовало.

Только что я прочелъ росписку Воейкова и приказалъ Кожевникову назначить экстренный поѣздъ для Родзянко, какъ раздался звонокъ Правосудовича.

— Изъ Императорскаго поѣзда ко мнѣ поступило требованіе дать назначеніе поѣзду изъ Бологое — на Псковъ. Что дѣлать?

Какъ молнія въ моей головѣ пронеслась мысль о всей опасности этого плана: Николай хочетъ пробраться къ арміи.

— Ни въ какомъ случаѣ! отвѣчалъ я Правосудовичу.

— Слушаю, будетъ исполнено!

Но не прошло и 10 минутъ, какъ изъ телеграфа мнѣ передали записку по телефону: „Бологое. Поѣздъ литера А безъ назначенія съ паровозомъ Николаевское отправился на Псковъ.“

Бубликовъ въ бѣшенствѣ заметался по кабинету.

— Что дѣлать? Говорите скорѣй.

— Положеніе серьезное, отвѣчалъ я, сохраняя свое спокойствіе, — надо обсудить.

— Надо дѣлать . . .

— Обдуманное. Только обдуманное... Взорвать мостъ? Разобрать путь? Свалить поѣздъ? Едва ли Дума насъ похвалитъ? Да и кто все это будетъ дѣлать? Лучше забьемъ одну — двѣ станціи товарными поѣздами, тѣмъ болѣе что поѣздъ безъ назначенія, даже Царскій, не можетъ не затираться товарными поѣздами.

Въ это время въ свой кабинетъ вошелъ Уструговъ. Бубликовъ стремительно кинулся къ нему.

— Сейчасъ же распорядитесь, чтобы на пути литера А по Виндавской одинъ изъ разъѣздовъ былъ загороженъ двумя товарными поѣздами.

— Такія распоряженія я исполнять отказываюсь! . . .

— Что . . . о . .?

У обоихъ въ глазахъ было что то страшное. Мы съ Рулевскимъ выхватили револьверы. Говорятъ, я приставилъ свой къ животу Устругова, но я этого момента не помню. Уструговъ поблѣднѣлъ какъ полотно и залепеталъ:

— Хорошо, хорошо . . . сейчасъ.

Вспоминая эту сцену, мнѣ всегда дѣлается стыдно и за себя, и за всѣхъ остальныхъ участниковъ. Для чего было поручать это дѣло Устругову, когда можно было самому сговориться съ Правосудовичемъ. Зачѣмъ было грозить револьверомъ, когда достаточно было отстраненія или угрозы имъ . . .

Но какъ бы то ни было, Уструговъ сталъ задерживать Царскій поѣздъ, а я рѣшилъ съѣздить на Николаевскій вокзалъ проводить Родзянко, а главное посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но только я собрался, звонятъ изъ конторы опытовъ, — „Въ нашемъ домѣ съ чердака стрѣляетъ пулеметъ; солдаты снизу требуютъ, чтобы всѣ вышли и будутъ обстрѣливать весь домъ.“ Попросилъ ротмистра Сосновскаго послать туда солдатъ, а самъ вмѣстѣ съ инспекторомъ Некрасовымъ, котораго я назначилъ сопровождать поѣздъ Родзянко, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ, Некрасовъ весь

разукрасился краснымъ: повязка на рукавѣ, бантъ на папахѣ. Мнѣ было это какъ то непріятно и самъ я остался одѣтымъ строго по формѣ. Къ автомобилю же съ правой стороны былъ прикрѣпленъ красный флагъ. У солдата, сидѣвшаго рядомъ съ шофферомъ, былъ красный бантъ на шапкѣ.

По городу еще шла стрѣльба. Кое гдѣ съ чердаковъ стрѣляли и изъ пулеметовъ. Группы солдатъ, рабочихъ и студентовъ брали приступомъ эти чердаки. На первый взглядъ безъ толку, по городу носились грузовики, полные революціонерами. На улицахъ много испорченныхъ и даже опрокинутыхъ автомобилей. Но въ общемъ настроеніе радостное, бодрое. Несмотря на стрѣльбу, улицы полны людей, много женщинъ, дѣтей. Кое гдѣ видны попытки украшать дома красными флагами. Въ воздухѣ что то праздничное, какъ на Пасху.

Подъѣхали къ вокзалу. На подъѣздѣ меня уже ждали Кожевниковъ и замѣститель начальника станціи. Рапортуютъ, какъ и раньше. Вокзалъ полонъ солдатъ разныхъ частей. Въ буфетѣ все разбито вдребезги. Кабинетъ начальника станціи занятъ революціоннымъ комендантомъ Грековымъ. Прежде всего иду посмотрѣть экстренный поѣздъ. По дорогѣ Кожевниковъ жалуется на Грекова, что тотъ хочетъ распоряжаться всѣмъ движеніемъ и вызываетъ отчаянную путаницу. Поговоривъ съ машинистомъ экстреннаго поѣзда и приказавъ ему держать 100 — 110 верстъ въ часъ, иду къ Грекову; кстати, нужно спросить Родзянко по телефону, когда онъ ѣдетъ. Къ Грекову солдаты не пускаютъ. Начинаются длинные переговоры, кто я такой, по какому дѣлу и т. д. За меня отвѣчали замѣститель начальника станціи и Кожевниковъ. Наконецъ впустили.

Самого Грекова не оказалось; застали только его помощника. Познакомились. Узнавъ по телефону, что Родзянко выѣзжаетъ черезъ полчаса, я приступилъ къ дипломатическимъ разговорамъ. Доказывалъ, что желѣзными дорогами могутъ распоряжаться только спеціалисты, что Министерство Путей Сообщенія всецѣло на сторонѣ революціи, что дѣло коменданта распоряжаться перевозимыми войсками и наблюдать за порядкомъ, а не за движеніемъ. Кажется убѣдилъ...

Къ концу разговора къ намъ вошелъ начальникъ дороги Невѣжинъ въ сильно издерганномъ состояніи. Изъявилъ покорность. Сдѣлалъ неувѣренныя попытки распоряжаться. Повелъ къ себѣ на квартиру, разгромленную служащими и солдатами: вездѣ слѣды пуль, зеркала разбиты, мебель поломана, но не вся.

А Родзянко нѣтъ, какъ нѣтъ. Звоню опять въ Думу. — „Выѣзжаетъ?“ Вмѣстѣ съ Невѣжинымъ вышли мы на крыльцо встрѣтить главу власти. Знаменская площадь полна народу. Издали крики „ура“. — „Вотъ до чего дожилъ Родзянко“, подумалъ я. Но это былъ не онъ, это шли къ Думѣ войска, заявить ей свою вѣрность. Только увидѣвъ эти сѣрыя, хорошо мнѣ знакомыя, родныя массы подъ красными знаменами, я понялъ по настоящему, что случилось.

Около часу часть за частью съ музыкой, съ офицерами въ полномъ порядкѣ проходили войска, а я смотрѣлъ и смотрѣлъ . . . и непрошенныя слезы набѣгали на глаза.

Родзянко все не было. Еще разъ иду къ телефону.

— Сейчасъ выѣзжаетъ.

— Доложите, что я приказалъ для пропуска этого поѣзда задержать всѣ пассажирскіе поѣзда. Мы создаемъ полный сумбуръ въ движеніи и что литерный поѣздъ все удаляется отъ Бологого. Объясните, что я должeнъ знать точное время отправленія.

— Михаилъ Владиміровичъ сейчасъ отъѣзжаетъ. Назначьте отправленіе черезъ полчаса.

Жду. Что за знакомое лицо въ солдатской шинели? Ба, ба, ба, да Азисъ Николаевичъ, довѣренный буфетчика Байрашева, много лѣтъ меня питавшій и въ Любани и въ поѣздахъ. Недавно его забрали на фронтъ.

— Азисъ Николаевичъ, какими судьбами? Вѣдь Вы на фронтѣ?

— Ѣзжу въ санитарномъ поѣздѣ, Ваше Превосходительство. Пріѣхалъ, пошелъ къ хозяину, да вотъ и попалъ. Третьяго дня я говорилъ ему: пожертвуйте 3—4 тысячи; больше потеряете. Варите солдатамъ щи и кашу; давайте даромъ. Заартачился. А какъ вломились солдаты, повара то разбѣжались и варить некому. Ну и началось . . . Все перебили, вѣрите ли тарелки не осталось . . . Серебро и бѣлье все унесли. Убытковъ тысячъ на сорокъ!“

— Ну, а въ Любани?

— Любань всю разнесли. . . Темный народъ, озлобленный.

— Голодный?

— Нѣтъ, главное по причинѣ озлобленія, Ваше Превосходительство.

— На кого озлобленіе?

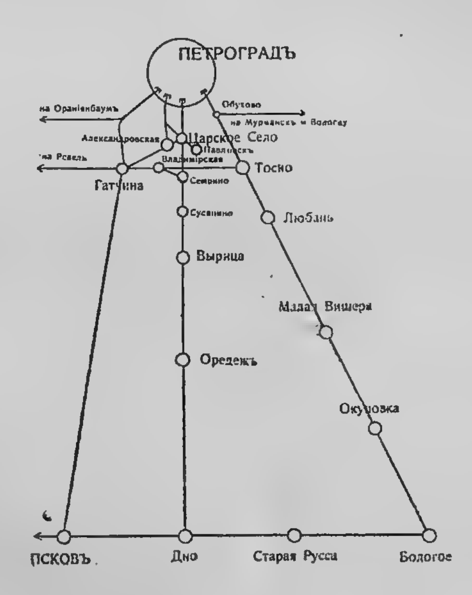
— А на всѣхъ, кто живетъ хорошо. Извините, Ваше Превосходительство. Вотъ теперь на фронтѣ туго на счетъ ѣды; въ окопахъ-то голодаютъ, ну а въ штабахъ г. г. офицеры отказа ни въ чемъ не имѣютъ; сами знаете. Вотъ отъ обиды теперь и бьютъ. Понять надо. Я и говорилъ

хозяину: не искушайте. Варите день и ночь. Благодарить будутъ. Много ли солдату нужно?*)

Простившись съ Азисъ Николаевичемъ, опять выхожу на крыльцо. Полчаса прошло; Родзянко нѣтъ. Дальше ждать смысла не имѣетъ. Оставивъ Некрасова на вокзалѣ, ѣду въ Министерство. По дорогѣ изъ дома Маевскаго насъ сверху окатили изъ пулемета, но промахнулись. Вся порція пришлась позади насъ.

Вхожу къ себѣ, ротмистръ Сосновскій изступлено кричитъ въ телефонъ:

— Пятый разъ докладываю, караулъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія почти сутки безъ смѣны и безъ ѣды... Послали? Никто не приходилъ... Хорошо, я позвоню въ Семеновскій полкъ. — Господа, соедините меня съ Семеновскимъ полкомъ. Я хочу говорить съ полковникомъ Н..." Полковникъ, я начальникъ охраны М. П. С. ротмистръ Сосновскій, Вашъ полкъ держитъ караулъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія. Ни ѣды, ни смѣны...




*) Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда на происходившіе погромы была наклеена этикетка классовой борьбы пролетаріевъ и буржуевъ, та же мысль еще ярче была выражена однимъ Петроградскимъ извозчикомъ. На вопросъ своего сѣдока проф. Харпера изъ Чикаго, кто такіе буржуи, онъ отвѣчалъ: „Буржуи, господинъ, это тѣ, кому при старомъ режимѣ жилось хорошо".

Долго тянулся этотъ разговоръ. Я же по другому телефону добивался, гдѣ Царскій поѣздъ. Оказалось, идетъ въ Старую Руссу. Отъ Петрограда до Старой Руссы черезъ Дно 300 верстъ; черезъ Бологое — 400 верстъ. Ѣхать Родзянко черезъ Бологое смысла нѣтъ. Правда, тамъ 300 верстъ двойного пути, но за то Царскій поѣздъ, будетъ все удаляться отъ него; надо перехватить его въ Дно. Звоню въ Думу. Родзянко еще тамъ *). Соглашается ѣхать по Виндавской на Дно. Отмѣняю поѣздъ по Николаевской; назначаю по Виндавской. Инцидентъ съ Уструговымъ имѣлъ хорошую сторону: даемъ теперь сами распорядительныя телеграммы безъ помощи статистовъ стараго режима. Звоню Правосудовичу.

— Какъ съ задержкой литернаго?

— Ничего не выходитъ. Опоздали. Въ Днѣ жандармы уже арестовали всѣхъ ненадежныхъ желѣзнодорожниковъ и требуютъ войска для охраны.

— Можно ли пускать туда Предсѣдателя Думы?

— Не знаю.

Сообщили объ этомъ въ Думу. Родзянко послалъ вторую телеграмму Царю; отвѣта нѣтъ.

Звонитъ Некрасовъ съ Виндавскаго вокзала, куда онъ добрался пѣшкомъ, — „Поѣздъ готовъ. Ожидаю распоряженій.“ —

— Ждите.

Третій часъ . . . Звонки, распоряженія . . . Ни минуты свободной . . . Начинаетъ страшно хотѣться ѣсть. Всѣ развѣдки на этотъ счетъ оказались безплодными. Столовая не дѣйствуетъ, да и служащихъ пришло то на службу меньше половины. Является экзекуторъ съ какой то пожилой, но миловидной женщиной. Она улыбается и спрашиваетъ: „Угодно кушать?“ Оказалось, жена одного изъ курьеровъ, латышка-соціалистка рѣшила организовать нашу ѣду. Звали ее Цецилія. . . . Добрая женщина. Кормила она насъ на убой, правда меню было очень однообразно: каша, картофель, бифштексъ, но всегда все свѣжее и вкусное. Такъ мы устроились съ ѣдой; въ остальномъ же наша служба связи къ этому времени была налажена вполнѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ кабинетѣ Устругова, откуда хозяинъ былъ выселенъ, бился пульсъ революціи. Продовольствіе

---

*) Тогда поведеніе Родзянко казалось непростительной нерѣшительностью. Въ дѣйствительности же весь этотъ день онъ велъ переговоры по военному проводу съ генераломъ Рузскимъ. Кромѣ того, Комитетъ никакъ не могъ придти къ соглашенію съ Совѣтомъ, что дѣлать съ Царемъ.

солдатъ тоже наладилось. Его носили имъ изъ Института Путей Сообщенія.

Стемнѣло, зажгли электричество. Записка по телефону: „Литерный поѣздъ прибылъ въ Дно. Государь Императоръ прогуливаются по платформѣ и ожидаютъ пріѣзда Предсѣдателя Думы". — Звоню на Виндавскую. — „Предсѣдатель Думы еще не прибылъ". Бубликовъ звонитъ въ Думу: „Идетъ важное совѣщаніе между Думскимъ Комитетомъ и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Родзянко сейчасъ уѣхать не можетъ, но проситъ поѣздъ держать. Отъ генерала Рузскаго изъ Пскова полученъ отвѣтъ, что онъ исполнитъ свой долгъ передъ родиной . . . Армія съ нами".

— Ну, а какъ же съ литернымъ, Александръ Александровичъ?

— А я почемъ знаю. Надо ждать, когда кончится говореніе . . . и Бубликовъ, хлопнувъ дверью, вышелъ.

Звонитъ Правосудовичъ: „Государь спрашиваетъ, когда пріѣдетъ Предсѣдатель Думы. Кромѣ того, онъ проситъ о назначеніи до Пскова."

Звоню въ Думу самъ. Подходитъ Родзянко. Докладываю.

— Прикажите доложить Его Величеству, что чрезвычайныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ оставить столицу. Императорскій поѣздъ назначьте и пусть онъ идетъ со всѣми формальностями, присвоенными Императорскимъ поѣздамъ. Поняли?

— Слушаю-съ. Будетъ исполнено. Значитъ, Вашъ поѣздъ по Виндавской я отмѣняю.

— Да, но пусть будетъ готовъ поѣздъ на Псковъ. Поѣдутъ члены Думы съ порученіемъ особой важности. Поняли?

— Отреченіе?

— Это Васъ не касается, и такихъ словъ говорить нельзя.

— Слушаю-съ.

Тѣмъ не менѣе, Рулевскій отъ своихъ друзей, вошедшихъ въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, по тому же телефону узналъ, что рѣшено требовать отреченія. Весь день въ Думѣ именно споръ и шелъ о томъ, что дѣлать: предлагали низложеніе, отреченіе или внушеніе, т. е. заточеніе Царицы и назначеніе отвѣтственнаго Министерства. Остановились на среднемъ.

Изъ эксплоатаціоннаго отдѣла принесли мнѣ на подпись назначеніе Императорскаго поѣзда на Псковъ. Хочется вѣрить, послѣдняго Императорскаго поѣзда въ Россіи.

Заговариваю съ ротмистромъ. Оказывается изъ Украинскаго гусарскаго полка, оказались общіе знакомые; знаетъ

Мишу. Удивительно умѣетъ онъ обращаться съ солдатами. Слушаются они его удивительно: „Онъ, братъ, настоящій", слышалъ я о немъ отзывъ бородатаго унтера: „съ нимъ, братъ, ни того" . . . Въ отвѣтъ другой солдатъ загнулъ основательное ругательство и, повидимому, они поняли другъ друга, но я ихъ не понялъ . . .

Около семи звонитъ Правосудовичъ.

— Какъ быть съ Георгіевскими кавалерами?

— Какими Георгіевскими кавалерами?

— Нѣсколько дней тому назадъ Ставка дала назначеніе тремъ эшелонамъ Георгіевскихъ кавалеровъ до Царскаго, гдѣ предполагалась выставка трофеевъ. Первый эшелонъ этихъ кавалеровъ, съ ними ѣдетъ генералъ Ивановъ. Онъ требуетъ пропуска впередъ, угрожая примѣнить силу.

— Доложите генералу положеніе вещей. Какая теперь выставка . . .

— Генералъ проситъ пропустить до Царскаго отдѣльнымъ паровозомъ только одинъ его вагонъ, или прицѣпить его къ дачному поѣзду.

— Сейчасъ доложу Комиссару.

Бубликовъ звонитъ въ Думу. Приказано пропустить.

Думой опубликованъ списокъ Комиссаровъ для завѣдыванія Министерствами. Бубликова въ этомъ спискѣ нѣтъ. Комиссаромъ Путей Сообщенія назначенъ Добровольскій. Около восьми онъ появился въ Министерствѣ. Долго они говорили о чемъ то съ Бубликовымъ, запершись въ его кабинетѣ. Какъ они подѣлили свои обязанности, осталось неизвѣстнымъ, но Бубликовъ категорически просилъ меня остаться при немъ на правахъ товарища Комиссара. Это меня трогаетъ. Наши личныя отношенія, послѣ провала въ комиссіи о новыхъ дорогахъ его проекта Гришино-Ровно, были очень натянуты. На меня онъ имѣлъ право въ этомъ дѣлѣ сильно точить зубы . . . И тѣмъ не менѣе, сейчасъ во имя блага общественнаго онъ явно меня выдвигаетъ. Не всякій такъ поступилъ бы.

Въ Министерствѣ тихо. Но служба связи и телеграфъ работаютъ во всю. Движеніе вездѣ идетъ нормально. На дежурствѣ Лебедевъ.

— Выспитесь Вы, говоритъ Бубликовъ.

— Позвольте мнѣ съѣздить въ Царское, а то телефонъ туда не дѣйствуетъ. Кстати узнаю, что тамъ дѣлается. Какъ гарнизонъ?

— Отлично, поѣзжайте.

И я поѣхалъ. Въ десятичасовомъ поѣздѣ народу почти не было. Пріѣзжаю въ Царское. Спрашиваю у дежурнаго

по станцiи, какъ дѣла. Докладываютъ: „Генералъ Ивановъ пробылъ въ Дворцѣ двадцать минутъ и уѣхалъ обратно въ Вырицу. Войска объявили себя нейтральными и надѣли бѣлыя повязки.“ Выхожу, извощиковъ нѣтъ. Идетъ рѣдкая стрѣльба. Это солдаты отъ радости стрѣляютъ въ воздухъ. Дома горитъ огонь. Жена не спитъ. Масса разсказовъ и распросовъ, но я какъ камень падаю на кровать и засыпаю мертвымъ сномъ.

## 2-го марта.

Въ шесть часовъ меня разбудили и въ семь я уже трясся въ вагонѣ. Въ первомъ классѣ было много солдатъ. Это я видѣлъ въ первый разъ. Они курили, плевали и на вопросъ о билетахъ отвѣтили трехъэтажной руганью. Не доѣзжая верстъ двухъ до Петрограда, поѣздъ остановился. Подошедшiе снаружи солдаты стали у дверей и никого не выпускали. Черезъ минутъ двадцать въ вагонъ, въ сопровожденiи 10—12 солдатъ съ ружьями вошелъ совершенно пьяный прапорщикъ и унтеръ. Прапорщикъ по очереди приставлялъ ко лбу каждаго пассажира браунингъ, а унтеръ велъ допросъ, кто и по какому дѣлу ѣдетъ въ Петроградъ. Дошла очередь и до меня; я предъявилъ мой пропускъ и телеграмму Бубликова. Меня сразу пропустили.

На вокзалѣ масса солдатъ. Суета, крикъ. Что то неладное. Бѣгомъ лечу въ Министерство. Тамъ тоже переполохъ. Всѣ на меня накидываются и упрекаютъ, что я уѣхалъ. Рѣшительно прошу всѣхъ замолчать и предлагаю дежурному, т. е. Лебедеву, сообщить мнѣ положенiе дѣла. Оказывается, около четырехъ часовъ утра съ Виндавской дороги получилась записка, что генералъ Ивановъ арестовалъ начальника станцiи Вырица, гдѣ онъ ночевалъ, и во главѣ Георгiевскихъ кавалеровъ и двухъ другихъ эшелоновъ отправился по направленiю къ Царскому Селу. Лебедевъ передалъ это извѣстiе въ Думу, а самъ приказалъ разобрать путь между Семрино и Царскимъ (см. планъ).

— Часа черезъ полтора я вспомнилъ, что отъ Семрина есть вѣтка на Владимiрскую и что по ней Ивановъ можетъ проѣхать въ Гатчину. Но тамъ я распорядился спустить балластный поѣздъ на стрѣлкѣ.

Медлить было нельзя ни минуты. Звоню Правосудовичу.

— Каково положенiе?

— Генералъ Ивановъ въ Семринѣ. Говоритъ по телефону съ жандармскими офицерами, выѣхавшими ему навстрѣчу во Владимiрскую. Сейчасъ военная комиссiя Думы приказала

прекратить всякое движеніе. Распоряженіе Лебедева исполнено, но вмѣсто того, чтобы разбирать путь, мы на всѣхъ станціяхъ между Семрино и Царскимъ сняли крестовины (части стрѣлокъ) занумеровали ихъ и привезли въ Петроградъ.

— Блестящая идея. Большое спасибо. Одинъ изъ нашихъ телефоновъ будетъ непрерывно соединенъ съ Вашимъ телеграфомъ. Пусть по нему мнѣ сообщаютъ о всѣхъ движеніяхъ Иванова.

И надо сказать правду, телеграфисты Виндавской дороги оказались на высотѣ положенія. Они продолжали стучать мнѣ свои записки даже тогда, когда за стѣной генералъ Ивановъ разстрѣливалъ ихъ товарищей. Ни одинъ его шагъ не ускользнулъ отъ насъ.

Только я кончилъ говорить съ Правосудовичемъ, какъ телефонный студентъ передалъ мнѣ другую трубку, къ которой былъ вызванъ Лобановъ.

— Что въ Гатчинѣ?

— Тамъ тысячъ двадцать лояльныхъ войскъ.

— Что значитъ лояльныхъ?

— Не революціонныхъ...

— Усвойте себѣ разъ на всегда, что это бунтовщики. Лояльные это тѣ, кто на сторонѣ народа. Итакъ, Гатчина въ рукахъ бунтовщиковъ? Дальше...

— Въ Александровской тоже нѣсколько эшелоновъ, а главное изъ Пскова поѣздъ за поѣздомъ напираютъ новыя войска.

— Снимите въ Гатчинѣ крестовины. А какъ карамболь съ баластнымъ поѣздомъ?

— Еще не знаю. Едва ли...

Звоню въ Думу.

— Военная Комиссія?

— Я генералъ Потаповъ, кто говоритъ?

— Я помощникъ Бубликова, Ломоносовъ. По его порученію я распоряжаюсь движеніемъ на дорогахъ и очень Васъ прошу не давать комендантамъ распоряженій этого рода. Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, и кое что сдѣлалъ уже, но на дорогахъ не можетъ быть двоевластія.

— Что же Вы сдѣлали?

Я разсказалъ.

— Хорошо.

— А что для Васъ нужно еще сдѣлать и каково положеніе дѣлъ?

— Я встрѣчу генерала Иванова на 6-й верстѣ передъ Петроградомъ. У него есть артиллерія?

— Не знаю, но въ Царскомъ есть. А у Васъ есть связь съ Царскимъ?

— Никакой, а у Васъ?

— Я тамъ ночевалъ, но телефонъ не дѣйствуетъ. Войска заявили нейтралитетъ. Но въ Гатчинѣ они на сторонѣ стараго порядка.

— Знаю, но вѣдь Ивановъ идетъ на Петроградъ, не на Гатчину.

— Онъ можетъ изъ Семрина повернуть на Гатчину и видимо хочетъ это сдѣлать, но мы постараемся его остановить желѣзно-дорожными средствами.

— Какъ же это Вы сдѣлаете? Надо сейчасъ ему навстрѣчу послать войска.

— Черезъ Александровскую и Гатчину ваши войска не пройдутъ, а между Царскимъ и Семринымъ испорчены стрѣлки.

— Какъ же Вы смѣли?.. аа.. Я Васъ разстрѣляю!

— Позвольте, Ваше Превосходительство, Вы увѣрены въ Царскосельскомъ гарнизонѣ?

Отвѣта не послѣдовало. Положеніе было скверное. Пахло не Потаповскимъ разстрѣломъ, а Царской висѣлицей. Лебедевъ разсказывалъ, что подъ утро они уже фантазировали, какъ насъ будутъ вѣшать: по всѣмъ ли правиламъ искусства, на газовыхъ фонаряхъ или на электрическихъ. Сидѣльниковъ не вынесъ этихъ „шутокъ висѣльниковъ" и сбѣжалъ.

Сразу гремятъ всѣ телефоны.

— Изъ Думы требуютъ экстренный поѣздъ Члену Государственнаго Совѣта Гучкову и депутату Шульгину.

— Скажите поѣздъ ждетъ со вчерашняго дня; въ немъ инспекторъ Некрасовъ.

— Ура, — кричитъ Лебедевъ, Гатчина отрѣзана отъ Семрина. Повалили поѣздъ и пустили на него другой.

Я началъ танцовать отъ радости, но вдругъ у меня пронеслось въ головѣ: „ну что ему стоитъ пройти 20 верстъ походнымъ порядкомъ." Но въ слухъ я говорю:

— Доложите объ этомъ Александру Александровичу. Россія не забудетъ Вашей заслуги, Григорій Васильевичъ. Но и я не забуду, что проспалъ эту ночь. Оправданіемъ мнѣ можетъ служить только то, что я воспиталъ такого ученика, какъ Вы.

Заслуга Лебедева безспорно должна быть занесена на скрижали исторіи. Если бы генералъ Ивановъ прорвался къ Гатчинѣ, исходъ Мартовской революціи могъ бы быть иной, тѣмъ болѣе, что генералъ Потаповъ, какъ оказалось впо-

слѣдствіи, защищалъ Петроградъ только со стороны Царскаго Села.

Звонитъ новый начальникъ Сѣверо-Западныхъ.

— — Въ Лугѣ гарнизонъ перешелъ на сторону революціи и грабитъ городъ. Повидимому, подходящіе эшелоны предполагаютъ съ своей стороны атаковать городъ, чтобы выбить оттуда революціонныя войска.

— Это очень важно. Голубчикъ, доложите объ этомъ сами Александру Александровичу, а мнѣ нужно еще по двумъ телефонамъ говорить....

— Виндавская. Управляющій? Начальникъ движенія?... Постойте, по другому телефону говорятъ... Такъ. Генералъ Ивановъ все совѣщается, а что на 6-й верстѣ у Васъ дѣлается?

— Поставлены 4 пушки. Тысячъ шесть солдатъ. Кажется подойдутъ еще.

— Отлично. Прикажите слѣдить за генераломъ Ивановымъ непрерывно.

— Юрій Владиміровичъ, Васъ изъ дому по телефону зовутъ!

— Изъ дому... Рисанька, это ты? Какими судьбами?

— Насъ присоединили къ дворцовому проводу (кто — и по сейчасъ не знаю, но два дня связь между революціоннымъ Царскимъ и революціоннымъ Петроградомъ поддерживалась по этому проводу).

— Какія новости?

— Войска утромъ подошли къ дворцу. Царица вышла къ нимъ. Сводный полкъ и конный заявили нейтралитетъ. Дворецъ охраняется нейтральными. Въ городѣ полное спокойствіе. Какъ ты?

— Страшно занятъ. Надежны ли всетаки наши царскосельскіе полки?

— Кажется да, а что?

— Надо знать. Вѣдь это первая вѣсть изъ Царскаго. Про Александровскую ничего не слыхала?

— Говорятъ, идутъ переговоры; тамъ какія то пришлыя войска.

— До свиданія. Александръ Александровичъ, важныя новости изъ Царскаго.

— Передайте ихъ въ Думу сами. Да назначайте въ Лугу поѣздъ для депутата Лебедева.

— Слушаю-съ...

Ну, думаю положеніе проясняется: До Гатчины Ивановъ доберется не раньше 4—5 часовъ, въ Лугѣ уже возстаніе. Царскосельскій гарнизонъ тоже на нашей сторонѣ. Пожалуй

и не повѣсятъ. Но что же дальше? Отреченіе? А затѣмъ регенство, во время котораго легче будетъ отвоевать гражданскія свободы....

— Юрій Владиміровичъ, изъ Думы просятъ экстренный поѣздъ въ Царское Село для переговоровъ съ Царицей.

— Назначайте...

— Юрій Владиміровичъ, съ Вами по аппарату желаетъ говорить генералъ Ивановъ. Съ Виндавской передаютъ, что онъ требуетъ назначенія на Петроградъ. „Ну“, думаю: „безъ крестовинъ, душенька, не поѣдешь.“

— Я генералъ-адъютантъ Ивановъ.

— Я профессоръ Ломоносовъ.

— Мнѣ Управляющій Виндавской сказалъ, что Вы распоряжаетесь движеніемъ и что онъ безъ Васъ не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Что это значитъ?

„Еге“, думаю: „будемъ хитрить.“

— Ваше Высокопревосходительство, въ столь отвѣтственное время распоряженіе дорогами должно быть сосредоточено въ однихъ рукахъ. Линія же Витебскъ-Петроградъ одна изъ важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи.

— Кто вы такой?

— Послѣ ареста Начальника Управленія Богашева я несу его обязанности.

— По Высочайшему повелѣнію я слѣдую въ Петроградъ.

— Хотя изъ Ставки такого назначенія и не было, я Вамъ вѣрю на слово, но не могу Вамъ гарантировать безопаснаго проѣзда въ Петроградъ.

— Почему?

— Для встрѣчи Вашего поѣзда на 6-й верстѣ сосредоточено 4 батареи артиллеріи, и тысячъ двадцать пѣхоты (прихвастнулъ я). Переговорите съ Думой.

— Очень признателенъ за эти свѣдѣнія. Онѣ вполнѣ точны?

— Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, осмѣлюсь ли я?

— До свиданія...

Прошло минутъ сорокъ. Звонокъ съ Виндавской.

— Генералъ Ивановъ настаиваетъ, чтобы его пустили на Царское. Арестовываетъ служащихъ и грозитъ разстрѣломъ.

— Пускайте; пусть скувырнется на первой стрѣлкѣ. Жаль машиниста, но что же дѣлать?

Проходитъ часъ.

— Генералъ Ивановъ вернулся въ Семрино и опять хочетъ ѣхать на Гатчину.

— Отлично. Давайте Сѣверо-Западную... Что?... Я Ломоносовъ, какъ въ Гатчинѣ?

— Начальникъ станціи отказывается исполнить Ваше распоряженіе о стрѣлкахъ; войска стоятъ твердо на той сторонѣ. Начальникъ участка тяги съ рабочими досталъ гдѣ то два пулемента и окапывается около Депо. Членъ Государственной Думы Лебедевъ въ Лугѣ. Говоритъ съ солдатами.

Колебанія Иванова мнѣ положительно нравятся, но его стремленіе въ Гатчину отнюдь нѣтъ.

— Генералъ Ивановъ отступаетъ въ Вырицу, повидимому за подкрѣпленіями.

— Ура! Мы спасены. Только бы выиграть время. Какъ только поѣздъ его пройдетъ на югъ, за нимъ съ сѣвера снимать всѣ крестовины.

Такъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Семрина.

— Поѣздъ съ Гучковымъ и Шульгинымъ прослѣдовалъ Гатчину по товарнымъ путямъ благополучно, но черезъ Лугу его не хотятъ пускать.

— Кто?

— Возставшія войска. Тамъ творится что то невообразимое.

Новый звонокъ.

— Николаевская сообщаетъ, что задержанные эшелоны громятъ станціи.

— Ставьте эти поѣзда, по мѣрѣ возможности, въ карьерные тупики, но въ Петроградъ не пускайте. Какъ поѣзда?

— Идутъ болѣе или менѣе правильно. Всѣ пассажирскіе пришли съ незначительными опозданіями.

Зову по аппарату Москву: тамъ полный порядокъ, гарнизонъ перешелъ весь на сторону народа. Организуется милиція. Узелъ работаетъ какъ часы. Подвозъ съ юга нормальный. Зову Харьковъ. Тамъ даже полиція перешла на сторону революціи и продолжаетъ нести свои обязанности. Бубликовъ все старается связаться съ Кавказомъ и, такъ сказать, поймать на удочку Великаго Князя.

Ивановъ медленно отступаетъ къ Вырицѣ. Бубликовъ послалъ ему туда слѣдующую телеграмму:

„Мнѣ стало извѣстно, что Вы арестовываете и терроризуете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю Васъ, что Вы навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую Вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, народными войсками Вашъ полкъ будетъ обстрѣлянъ артиллерійскимъ огнемъ.“

Тѣмъ временемъ съ юга подходятъ новые и новые эшелоны. Изъ Пскова идутъ тоже нѣсколько поѣздовъ. Распоряженія Бубликова нарушены. По Сѣверо-западной мы фактически владѣемъ только Петроградомъ, а по Виндавской — участкомъ Петроградъ — Вырица. Южнѣе распоряжается кто-то другой. Долго вызываемъ Ставку. Начинаемъ спрашивать, кто и зачѣмъ посылаетъ войска въ Петроградъ. Отвѣты получаются уклончивые. Бубликовъ начинаетъ ругаться съ ними.

Зову Псковъ, Начальника Отдѣла Гавалова.

— Кто отправляетъ эшелоны въ Петроградъ. Комиссаръ распорядился ихъ задержать.

— Слѣдую указаніямъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ изъ Петрограда.

— Какого?

— Нашего Сѣверо-Западнаго, полковника Шахова.

— Гм . . . а у Васъ какъ?

— Императорскій поѣздъ стоитъ въ Псковѣ. Ожидаютъ пріѣзда Гучкова.

Звонимъ въ Думу.

— Военная комиссія? Полковникъ Шаховъ связанъ съ Вами?

— Кто это?

— Завѣдующій передвиженіемъ войскъ на Варшавскомъ вокзалѣ.

— Да, да, конечно.

— Вы убѣждены? Онъ распоряжается подвозомъ войскъ къ Петрограду. Фактически южнѣе Гатчины слушаются не насъ, а его и Гавалова.

— Юрій Владиміровичъ? Виндавская?

— Позади Иванова крестовины сняты.

— Превосходно!

— Но на вокзалѣ масса народу, живущаго въ Царскомъ и Павловскѣ. Позвольте возстановить движеніе до Павловска.

— Сейчасъ спрошу Думу . . .

— Да, хорошо, возстанавливайте.

У всѣхъ у насъ отлегло отъ души. Главная опасность — Ивановъ со своими эшелонами — какъ будто миновала. А опасность, какъ потомъ выяснилось, была не малая; наканунѣ онъ получилъ отъ Царицы назначеніе главнокомандующимъ войсками Петроградскаго округа и дѣйствительно пытался подавить революцію. И кто знаетъ, прорвись онъ къ Гатчинѣ, что было бы. Да и двойная роль Ставки въ этомъ дѣлѣ ждетъ еще своего историка. Но какъ бы то

ни было отъ Петрограда геройскими дѣйствіями Виндавцевъ Ивановъ былъ отрѣзанъ. Все наше вниманіе теперь сосредоточилось на поѣздѣ Гучкова.

— Подходитъ къ Лугѣ.

— Прибылъ.

— Стоитъ въ Лугѣ.

— Все еще стоитъ. Солдаты гарнизона на паровозѣ выѣхали встрѣчать первый эшелонъ.

— Идутъ переговоры.

— Первый эшелонъ перешелъ на сторону революціи, но изъ опасенія остальныхъ Гучковъ выѣхать не можетъ.

— Хорошо, позовите мнѣ къ аппарату инспектора Некрасова.

— Я Некрасовъ.

— Что у Васъ дѣлается?

— Едва прорвались черезъ Гатчину. Положеніе таково: часть эшелоновъ прошла до Гатчины и Александровской и тамъ выгрузились. Ожидаютъ распоряженій, но не имѣютъ ихъ. Гарнизонъ въ Лугѣ на нашей сторонѣ. Если подходящіе съ юга эшелоны къ нему не присоединятся, онъ ихъ задержитъ силой.

— Голубчикъ, о всѣхъ событіяхъ докладывайте мнѣ немедленно.

— Хорошо.

— Юрій Владиміровичъ? Виндавская Васъ требуетъ.

— Я Ломоносовъ. Въ чемъ дѣло?

— Комендантъ безъ письменнаго приказа отказывается возстановить движеніе на выходныхъ стрѣлкахъ и на сортировочной караулъ.

— Сейчасъ пришлю Вамъ приказъ Комиссара съ печатью.

Начинаетъ темнѣть. Къ намъ въ комнату входитъ Козыревъ, беретъ подъ руку Рулевскаго и отходитъ къ окну. У нихъ длинный разговоръ. Козыревъ волнуется. Рулевскій невозмутимъ и торжественен. Прислушиваюсь и готовъ прыснуть со смѣху. Козыревъ доказываетъ Рулевскому, что онъ вовсе не такой черносотенецъ, какъ объ немъ думаютъ, что онъ уволилъ Минскаго Шмида и что онъ душой преданъ русскому народу. Рулевскій снисходительно слушаетъ и важно качаетъ головой. Если бы Козыревъ зналъ, что передъ нимъ только счетоводъ Сѣв.-Зап. ж. д.

— Второй эшелонъ присоединился къ Лужскому гарнизону.

— Третій тоже.

— Отлично, когда же Вы ѣдете?

— Четвертый упорствуетъ; сейчасъ посылаемъ депутацію въ Гатчину уговаривать тѣхъ.

— Юрій Владиміровичъ, Васъ Виндавская проситъ.

— Я Ломоносовъ.

— Солдаты не хотятъ исполнять приказа о возстановленіи движенія. Публика очень волнуется. Если можно, пріѣзжайте сами.

— Возьмите и меня съ собой — проситъ Козыревъ, — а потомъ поѣдемъ ко мнѣ обѣдать.

— Отлично, я еще къ зубному врачу слетаю послѣ обѣда.

Звоню къ зубодеру и вмѣстѣ съ Козыревымъ мы ѣдемъ. Виндавскій вокзалъ сплошь набитъ публикой. Всѣ волнуются.

— Господа, успокойтесь. Движеніе сейчасъ будетъ возстановлено.

— Безобразіе, морочатъ голову. Зачѣмъ остановили движеніе. Такъ, думаю я, объ Ивановѣ въ городѣ не знаютъ. Это хорошо. Подымаемся къ Правосудовичу. Вслѣдъ за нами вбѣгаетъ офицеръ:

— Караулъ арестовалъ коменданта, когда онъ пошелъ снимать его, чтобы пускать поѣзда. Требуютъ приказа за подписью Предсѣдателя Думы и съ Думской печатью.

— Сейчасъ я позвоню въ Думу. Пошлите туда когонибудь изъ желѣзнодорожниковъ и одного солдата.

Звоню въ Думу и на Сѣверо-Западныя, чтобы пустили поѣздъ по царской вѣткѣ и опятъ иду къ публикѣ.

— Господа, поѣздъ пойдетъ черезъ часъ, не раньше. Черезъ часъ же ровно отправится поѣздъ съ Варшавскаго вокзала на Царскій павильонъ. Кому это удобно, пожалуйте туда.

Поѣхали къ Козыреву, затѣмъ къ зубному врачу. Онъ запломбировалъ зубъ и все ахалъ, удивлялся моей храбрости. Въ городѣ совершенно тихо, вездѣ флаги. Стрѣльбы уже нѣтъ. Поражаетъ громадное количество людей на улицахъ.

Часовъ въ восемь возвратился въ Министерство. Масса новостей.

— Николай II назначилъ въ Псковѣ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князя Львова, а верховнымъ главнокомандующимъ — Николая Николаевича. Львову поручено сформировать отвѣтственный кабинетъ.

— Поздно! Какъ поѣздъ Гучкова?

— Недалеко отъ Пскова. Ивановъ двинулся къ Петрограду и сейчасъ стоитъ на разъѣздѣ Сусанино. Впереди его крестовины сняты.

— Дррр . . . Опять новости объ Ивановѣ. Сейчасъ подалъ частную телеграмму. Начальникъ разъѣзда спрашиваетъ, принимать ли?

— Обязательно. Принять, деньги получить, но передать ее сюда мнѣ.

— Исполнено.

— Передавайте депешу.

— Петроградъ. Моховая . . . (номеръ дома и квартиры, а также фамилію адресата, я забылъ).

— Дальше.

— Мама больна. Папѣ лучше. Скажите ей. Ивановъ.

— Что за чепуха?

— Это шифръ, — подсказалъ Лебедевъ. Адресатъ фиктивный — это ясно. Надо выяснить, кто живетъ въ этой квартирѣ.

— Ну, это, батюшка, уже не наше дѣло. Звоните въ Думу, вызовите комиссара Юстиціи Керенскаго и доложите ему все. А я переговорю съ Виндавской.

— Ну, какъ открыли движеніе?

— Только что. Ужасная путаница. Зачѣмъ военные мѣшаются?

— Юрій Владиміровичъ, Керенскій, за отсутствіемъ Бубликова, желаетъ говорить съ вами.

— Я Ломоносовъ.

— Эта телеграмма очень важна. Пожалуйста, передайте мнѣ немедленно, если будутъ слѣдующія.

— Отлично. Когда можно будетъ, подѣлитесь со мной смысломъ этихъ депешъ.

— Съ удовольствіемъ.

Принесли пукъ бумагъ. Не успѣлъ я еще разобраться въ нихъ, какъ опять звонокъ:

— Поѣздъ Гучкова подходитъ къ Пскову . . .

— Прибылъ.

— Позовите къ аппарату инспектора Некрасова.

— Я Некрасовъ. Въ 20.42 Гучковъ и Шульгинъ вошли въ вагонъ къ Царю.

— Господа! зазвенѣлъ мой голосъ на двѣ комнаты. Гучковъ и Шульгинъ вошли въ вагонъ Царя . . . Начинается новая эра русской исторіи.

Наступило молчаніе. Его прервалъ Бубликовъ.

— Соедините меня съ Думой . . .

— Гучковъ уже у Царя . . Да . . . По телефону Вамъ. — Будетъ сдѣлано. Предсѣдатель Думы проситъ распорядиться, чтобы документъ . . . ну чего тамъ миндальничать: актъ отреченія передать немедленно по телеграфу сюда и затѣмъ по телефону имъ.

— По телеграфу шифромъ?

— Зачѣмъ? все равно завтра будетъ въ газетахъ. А впрочемъ, спрошу . . . Дума? . . . Да, передавайте шифромъ.

Звоню Некрасову, прошу его по выходѣ Гучкова изъ вагона, передать это желаніе Родзянко . . .

— Новая телеграмма Иванова по тому же адресу: „Пришлите вторую корзину булокъ.“

— Передайте Керенскому.

Тянутся длинныя минуты, скоро десять (22). Некрасовъ по аппарату подробно разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ, но я его слушаю плохо . . .

— Вышли изъ вагона . . .

— Идите скорѣй къ Гучкову . . . Александръ Александровичъ, вышли изъ вагона.

Прошло безумно длинныхъ двадцать минутъ.

— Я Некрасовъ. Членъ Государственнаго Совѣта. Гучковъ передалъ актъ.

Бубликовъ заперся въ кабинетѣ. Минутъ черезъ пять дверь распахнулась: „Поздравляю Васъ . . . Николай отрекся. Но только помните, пока актъ не полученъ, это тайна. Ни гу-гу.“

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, я нарушилъ это приказаніе. Меня опять вызываетъ Ивановъ. —

— По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію я Вамъ приказываю вмѣстѣ со всѣми эшелонами пропустить меня въ Петроградъ.

— По повелѣнію какого Императора, генералъ? Николай II отрекся отъ престола . . .

Разговоръ прервался. Черезъ нѣсколько минутъ послѣдовала просьба пропустить поѣздъ обратно въ Ставку. Задержать я не имѣлъ физической возможности, но пускать въ Ставку что то не хотѣлось.

— Генералъ требуетъ второй паровозъ.

— Хорошо, дайте, но прикажите изъ обоихъ тендеровъ выпустить воду . . .

— Слушаю-съ.

Такъ генералъ, отъѣхавъ семь верстъ и простоялъ всю ночь съ паровозами безъ воды. Высылкой вспомогательнаго паровоза Виндавская, конечно, не торопилась.

Звонятъ съ Сѣверо-Западныхъ:

— Гаваловъ и Некрасовъ, по порученію Гучкова, просятъ назначеніе Императорскаго поѣзда въ Ставку.

— Александръ Александровичъ, просятъ Николая отправить въ Ставку. Это выше моего пониманія. Переговорите съ Думой сами . . .

Изъ сосѣдней комнаты доносятся слова горячаго спора.

— Приказано пропустить . . . да еще тамъ просятъ какъ можно скорѣй передать текстъ акта.

— Соедините съ Некрасовымъ . . . Да, я Ломоносовъ. Что съ актомъ?

— Комендантъ его шифруетъ. Я просилъ дать мнѣ для передачи Вамъ, онъ отказалъ. Говорилъ Гучкову, онъ сказалъ — это все равно.

— Хорошо, а чего Вы не ѣдете назадъ?

— Да все изъ за того же. Гатчинскіе солдаты послали въ Лугу депутатовъ, чтобы убѣдиться, что эшелоны дѣйствительно присоединились къ намъ. Мы ждемъ. Гучковъ у генерала Рузскаго. Совѣщаются.

— Юрій Владиміровичъ, изъ Думы.

— Ускорьте передачу акта. Мы ждемъ. Его экстренно надо будетъ печатать.

— А гдѣ Вы его будете печатать? Совершенно машинально спросилъ я.

— Да, вотъ это вопросъ. Наши средства очень малы, а Государственная типографія не работаетъ.

— Пожалуй, мы Вамъ поможемъ. Я справлюсь, какъ наша типографія. Случайно завѣдующій типографіей оказался, не смотря на поздній часъ, еще въ Министерствѣ. Сговорились, какъ организовать работу. Докладываю въ Думу.

— Только, понимаете, это секретъ, чтобы никто до опубликованія не узналъ.

— Хорошо, отпустимъ всѣхъ остальныхъ, не занятыхъ этой работой служащихъ и введемъ въ типографію караулъ.

— Вотъ это такъ. Значитъ, Вы будете первымъ государственнымъ секретаремъ революціи.

— Гордъ!

— Какъ только получите текстъ, пошлите его въ Думу и начинайте набирать.

— Не обѣщаю, наборщики придутъ только къ восьми утра.

— Ну ладно, но торопитесь . . .

Опять звоню въ Псковъ.

— Комендантъ очень медленно шифруетъ. Сейчасъ начнемъ передачу.

Императорскій поѣздъ отправился.

— Вамъ смыслъ акта извѣстенъ?

— Догадываюсь, но передать не могу.

— Господа, прикажите С. Западнымъ, чтобы эту телеграмму передавали прямо сюда.

Ждемъ; близится полночь.

**3-го марта.**

На дежурствѣ опять Лебедевъ. Къ его работѣ присматривается Араповъ. Ротмистръ Сосновскій второй разъ пошелъ провѣрять посты въ квартирѣ Министра и вернулся оттуда красный и чрезвычайно веселый. Разсказываетъ что то сбивчиво о попыткѣ чужихъ солдатъ ограбить квартиру Министра, которая стоитъ пустая, такъ какъ Треповъ еще не перевезъ изъ нея свои вещи, а Кригеръ еще не въѣхалъ. Посылаю довѣрительно экзекутора выяснить въ чемъ дѣло. Оказывается дѣйствительно попытка грабежа была, именно хотѣли разбить погребъ. Нашъ храбрый ротмистръ погребъ отстоялъ и въ награду мадамъ Трепова приказала ему выдавать къ столу вина. Мнѣ это не понравилось и я всю эту исторію разсказалъ Бубликову.

— Это похоже на правду.

— Что?

— А что ему выдаютъ вино къ столу.

— То-есть?

— Неужто Вы думаете, что если бы этотъ молодецъ добрался до погреба, — онъ смогъ бы вернуться самъ обратно. Да и Треповой выигрыша бы не было. А хорошее тамъ вино?

— Юрій Владиміровичъ, кричитъ Лебедевъ, Лобановъ сообщаетъ, во-первыхъ, что Гучковъ выѣзжаетъ, а во-вторыхъ, что начали передавать актъ, но онъ адресованъ полковнику Шахову и зашифрованъ военнымъ шифромъ.

Какъ такъ? И какой это полковникъ?

— Да тотъ самый, что эшелоны назначалъ.

— Странно, очень странно... Какъ Вы полагаете, Александръ Александровичъ?

Бубликовъ, зѣвая, пробормоталъ какое то ругательство и приказалъ вызвать Думу. Мы ушли. Послѣ пережитыхъ треволненій съ генераломъ Ивановымъ и отъ ожиданія акта настроеніе у всѣхъ было нервное. Ни работа, ни разговоры, какъ то не клеились?

— Ну, вотъ что, милые мои, сказалъ, появляясь въ дверяхъ Бубликовъ, я пойду спать. Канитель длинная. Относительно акта, сказано ждать его передачи и расшифровки

полковникомъ. Сговоритесь съ нимъ и какъ только будетъ готово, на автомобилѣ съ двумя солдатами везите въ Думу. Да когда поѣздъ Гучкова будетъ, скажемъ, въ Гатчинѣ, позвоните въ Думу. Родзянко хочетъ встрѣчать этого стараго авантюриста Гучкова. Да вотъ еще, въ квартирѣ, куда были адресованы Ивановскія телеграммы живетъ членъ Государственной Думы Святополкъ-Мирскій.

— Это тотъ самый, кто высказывался за возстановленіе крѣпостного права.

— Вотъ именно. Арестовали голубчика. Повидимому, игралъ роль между Ивановымъ и Александрой Федоровной.

Бубликовъ ушелъ спать, а мы продолжали бодрствовать. Съ большимъ трудомъ удалось связаться по телефону съ полковникомъ. Сперва онъ заявилъ, что актъ будетъ расшифрованъ черезъ два часа. Потомъ оказалось, что его надо еще провѣрить путемъ вторичной передачи, такъ какъ одно мѣсто никакъ расшифровать нельзя. А время все шло и шло... Въ Думѣ тоже безпокоились и нѣсколько разъ спрашивали, когда же? Звоню полковнику самъ.

— Ну что же, полковникъ, можно посылать автомобиль за актомъ?

— Какой автомобиль?

— Да чтобы везти его въ Думу.

— Нда... Знаете, вотъ сейчасъ еще провѣрка идетъ... Да только я, простите, не ясно понимаю. Вы то тутъ причемъ, профессоръ? Да и, кромѣ того, вѣдь телеграмма адресована Начальнику Штаба. Вотъ я сейчасъ доложу по начальству. Позвоните черезъ полчаса.

— Чортъ возьми, это подозрительно. Ясно, онъ умышленно затягиваетъ. Вызовите Сѣверо Западную. Готово? Выясните на телефонѣ, съ кѣмъ ведетъ переговоры полковникъ Шаховъ.. Ага, нѣсколько разъ говорилъ со Псковомъ и Александровской.. Отлично.. Выключите его телефонъ... Какъ? Есть городской телефонъ. — Григорій Васильевичъ, звоните на городскую телеграфную станцію и именемъ Комиссара требуйте выключенія телефона полковника Шахова. Да скажите Сѣверо-Западнымъ, чтобы насъ то она съ полковникомъ соединяла.

— Надо бы Думѣ доложить...

— Пожалуй.

Доложилъ, и послѣ обсужденія рѣшили на всякій случай полковника съ актомъ арестовать. Послали изъ Думы за нимъ грузовикъ съ солдатами. Я просилъ, чтобы старшій явился къ Лобанову и чтобы тотъ позвонилъ ко мнѣ.

Ждемъ. Уже пятый часъ. Ротмистръ разсказываетъ намъ свои боевыя впечатлѣнія... Дррр...

— Я Лобановъ. Канцелярія завѣдующаго передвиженіемъ войскъ окружена Вашими солдатами. Приказъ объ арестѣ полученъ. Какъ прикажете?

— Войдите одинъ и требуйте актъ. Если не дастъ, дайте какой нибудь условный знакъ и пусть входятъ солдаты.

— Слушаю!

— Ну, а меня соедините съ полковникомъ.. Алло... полковникъ? Это Вы? Ну, а какъ актъ?

— Странное дѣло, у меня всѣ телефоны испортились..

— Это бываетъ. Ну, а какъ актъ?

— Почти готовъ. Переписываемъ.. Минуточку, тутъ инженеръ Лобановъ... Ахъ, онъ по вашему распоряженію.

— Угодно Вамъ, полковникъ, немедленно передать актъ Лобанову?

— Видите.. изъ за телефоновъ я не могъ переговорить съ начальствомъ..

— Я Вамъ передаю приказаніе Предсѣдателя Думы.

— Я затрудняюсь..

— Передайте трубку Лобанову. Это Вы? Заберите всѣ копіи у него.

Вѣшаю трубку. Ждемъ. Проходятъ десять долгихъ минутъ.

— Дррр.. Исполнено. Увезли.

— А какъ поѣздъ Гучкова?

— Минутъ черезъ 20 будетъ въ Гатчинѣ.

— Спасибо. Господа, сообщите въ Думу. Ну, кажется все...

Я углубился въ текущую жизнь Министерства. Въ общемъ картина движенія получилась отрадная, только на юго-востокѣ бушевали мятежи...

— Юрій Владиміровичъ, поѣздъ Гучкова подходитъ. Автомобиль изъ Думы за нимъ прибылъ, но Родзянко не пріѣхалъ.

Жду, черезъ четверть часа мнѣ передаютъ трубку.

— Съ Вами хочетъ говорить инспекторъ Некрасовъ.

— Прибыли. Ну, и была возня съ Гатчинскими эшелонами. Ну, теперь они успокоились.

— Вы лучше разскажите подробности.

— Суть вы знаете. Отреченіе въ пользу Михаила. Гучковъ говоритъ, что Николай, какъ всегда, на него произвелъ впечатлѣніе человѣка съ деревянной душенкой. Все интересовался, какъ онъ теперь будетъ жить. Торжественно было, когда депутаты вышли изъ своего вагона и солдаты взяли

на караулъ. Они хотѣли сперва переговорить съ Рузскимъ, но Николай настоялъ, чтобы ихъ ввели прямо къ нему. Въ вагонѣ кромѣ Царя былъ Фредериксъ и Рузскій. Страшно усталъ. До свиданія. Часовъ въ двѣнадцать явлюсь къ Вамъ съ докладомъ.

Я задумался... Свершилось. Николай отрекся и на Россійскій престолъ вступилъ Михаилъ II. Говорятъ, ему это было предсказано, а также и то, что онъ будетъ послѣдній Романовъ... Что же, надо объявить караулу? „Императоръ Николай II отрекся отъ престола въ пользу брата... Государю Императору Михаилу II ура". Пусть ротмистръ выстроитъ солдатъ... Но вѣдь отреченіе не опубликовано... Да, и какъ къ этому отнесется народъ? Подожду... Всѣ эти мысли проносились въ головѣ.

— Послушайте, дорогой, позвалъ я одного изъ студентовъ, оффиціально объявлять что либо рано; а Вы разскажите солдатамъ, что Николай отрекся въ пользу брата, да такъ незамѣтно прислушайтесь къ ихъ разговорамъ.

Студентъ вышелъ, а я опять задумался. Что же будетъ? Отвѣтственное Министерство съ октябристомъ Родзянко во главѣ? На мѣсто Голицына сядетъ Родзянко, на мѣсто Покровскаго — Милюковъ, и только. А дальше реформы и война. Реформы подъ эгидой Родзянко, какого же сорта будутъ эти реформы?

Студентъ вернулся смущенный.

— Полная апатія, Юрій Владиміровичъ. Никакого впечатлѣнія. — „Хрѣнъ рѣдьки не слаже", говорятъ.

—Юрій Владиміровичъ, Васъ Предсѣдатель Думы спрашиваетъ.

— Слушаю-съ. Я Ломоносовъ.

— Гдѣ же Гучковъ?

— Не могу знать. Уже часъ, какъ онъ пріѣхалъ. Сейчасъ справлюсь.

— Я Вамъ пришлю сейчасъ актъ. Немедленно печатайте.

— Сколько?

— Тысячъ пять, а то и больше, но первую сотню немедленно пришлите въ Думу.

— Слушаю-съ.

Звонимъ на Сѣверо-Западную.

— Гучковъ разговариваетъ съ депутаціями.

Еще разъ звонимъ.

— Сейчасъ выѣзжаемъ.

Уже около восьми. Звонимъ третій разъ. Никого изъ начальства найти не могутъ. Посылаю Лебедева, а самъ

жду. Изъ Думы непрерывно звонки. Наконецъ, въ началѣ десятаго, потерявъ терпѣніе, беру автомобиль и ѣду на Варшавскій вокзалъ.

Ясное морозное утро, но уже въ воздухѣ чувствуется весна. Измайловскій весь увѣшанъ флагами. Народу масса, и чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ толпа все гуще и гуще. Медленно пробирается автомобиль среди этого живого моря къ вокзалу со стороны прибытія поѣздовъ. Вдругъ мнѣ навстрѣчу слѣва вижу Лебедева, медленно идущаго въ своей щегольской шубѣ съ поднятымъ воротникомъ. Испускаю радостный крикъ, но онъ дѣлаетъ мнѣ тревожно отрицательные знаки. Приказываю автомобилю повернуться. Сдѣлать это въ толпѣ не легко. Наконецъ, повернулся и за мостомъ, тамъ, гдѣ былъ убитъ Плеве, нагоняемъ Лебедева. Влѣзаетъ. Видъ у него сильно озабоченный.

— Гдѣ же актъ, гдѣ Гучковъ?

— Актъ вотъ, хрипло шепчетъ Лебедевъ, суя мнѣ въ руку какую то бумагу. Гучковъ арестованъ рабочими.

— Что.. о? спросилъ я заплетающимся языкомъ, суя въ боковой карманъ тужурки актъ отреченія.

— Въ Министерствѣ разскажу.

— Молча входимъ въ кабинетъ къ Бубликову; тамъ сидитъ Добровольскій и довольно много служащихъ.

— Ну, что, какъ..?

— Ничего, но.. Александръ Александровичъ, у меня есть къ Вамъ сообщеніе совершенно довѣрительнаго характера.

— Выйдите, господа, на минуточку. Никого не пускать.

Остались мы вчетверомъ: Бубликовъ, Добровольскій, Лебедевъ и я.

— Въ чемъ дѣло?

— Гучковъ арестованъ... Актъ отреченія вотъ...

Какъ ни сенсаціонна была вѣсть объ арестѣ Гучкова, глаза всѣхъ, забывая о немъ, впились въ положенный мной на столъ кусочекъ бумаги.

„Ставка. Начальнику Штаба."

— Достукался... произнесъ Бубликовъ, послѣ минуты молчанія. Итакъ, будемъ присягать Михаилу?.. Да, а съ Гучковымъ то что?

— Когда поѣздъ его пришелъ въ Петроградъ, его здѣсь встрѣтило порядочно народу, — началъ Лебедевъ, — и онъ еще на вокзалѣ говорилъ двѣ рѣчи... а затѣмъ пошелъ на митингъ въ мастерскія.

Ставка

Начальнику Штаба

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россiи новое тяжкое испытанiе. Начавшiяся внутреннiя народныя волненiя грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденiи упорной войны. Судьба Россiи, честь геройской нашей армiи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенiя войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокiи врагъ напрягаетъ послѣднiя силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армiя наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россiи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единенiе и сплоченiе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженiя побѣды и, въ согласiи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россiйскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдiе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленiе на Престолъ Государства Россiйскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единенiи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденiяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненiю своего святого долга передъ Нимъ повиновенiемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанiй и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россiйское на путь побѣды, благоденствiя и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россiи.

Г. Псковъ.

2го Марта 15 час. мин. 1917 г.

Министр Императорского Двора
Генерал Адъютант Граф Фредерикс

Николай

— Старый авантюристъ, пробормоталъ Бубликовъ.

— Когда я пріѣхалъ, онъ уже былъ въ мастерскихъ, а Шульгинъ, членъ Думы Лебедевъ, который былъ въ Лугѣ, и начальство сидѣли въ кабинетѣ начальника станціи Было извѣстно, что въ мастерскихъ неспокойно. Настроеніе было тревожное. Затѣмъ изъ мастерскихъ передали, что Гучковъ арестованъ, что акта у него не нашли и что идутъ обыскивать другихъ депутатовъ, чтобы уничтожить актъ.

— Зачѣмъ?

— Товарищи переплетчики желаютъ низложить Царя, да и все остальное, кажется... Отреченія имъ мало.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ депутатъ Лебедевъ передалъ мнѣ актъ, я потихонько закоулками на другую сторону, да и далъ тягу.

— А Гучковъ? А другіе депутаты?

— Не знаю,

— Я сейчасъ буду разговаривать съ Родзянко, а вы, господа, узнайте, что съ депутатами.

Комиссары заперлись, а мы пошли къ себѣ. Актъ отреченія не давилъ, даже, а жегъ мнѣ лѣвый бокъ. По телефону сообщили, что Гучкова выпустили и что онъ съ Шульгинымъ и Лебедевымъ уѣхали въ Думу.

Съ этимъ извѣстіемъ я вошелъ къ Комиссарамъ. Они представляли полную противоположность. Спокойный, скажу даже безразличный эпикуреецъ Добровольскій, одѣтый какъ модная картинка, разсѣянно разсматривалъ свои ногти, Бубликовъ, растерянный, неряшливо одѣтый, съ отекшимъ отъ безсонницы лицомъ, бѣгалъ по комнатѣ, сверкалъ глазами и произносилъ проклятія какъ язычникъ.

Съ ихъ словъ, довольно безсвязныхъ, я понялъ, что въ городѣ положеніе примѣрно такое же, какъ на вокзалѣ. Большинство рабочихъ противъ отреченія. Съ ранняго утра, вѣрнѣе съ ночи, въ Думѣ между Комитетомъ и Совѣтомъ идутъ объ этомъ горячіе споры. Совѣтъ усиленъ „солдатскими" депутатами.

— — Грамоту ищутъ по всему городу. Возможно, и сюда придутъ. Гдѣ она? спросилъ Добровольскій.

— У меня въ карманѣ.

— Это не годится. Надо спрятать.

— Положить въ несгораемый шкафъ? Приставить караулъ?

— Нѣтъ, положить въ самое незамѣтное мѣсто... И не въ этой комнатѣ... Конечно, сохраненіе этой грамоты или ея уничтоженіе положенія не измѣнитъ, но всетаки...

во-первыхъ, отреченіе освобождаетъ войска отъ присяги... во-вторыхъ, ея уничтоженіе окрылитъ черныя силы.

— А не снять ли намъ, Анатолій Александровичъ, съ акта нѣсколько копій?

— Пожалуй, но только, чтобы никто ничего не зналъ. Составимъ комитетъ спасенія „Пропавшей грамоты“ изъ трехъ.

— Нѣтъ, изъ четырехъ. Лебедевъ ее спасъ.

— Правильно, позовите его сюда. —

Пришелъ Лебедевъ, ему объявили положеніе, и мы съ нимъ отправились снимать копію въ Секретарскую. А Комиссары начали принимать доклады разныхъ учрежденій Министерства. Лебедевъ диктовалъ, я писалъ. Когда копія была готова, я позвалъ Комиссаровъ въ Секретарскую. Мы всѣ вчетверомъ завѣрили копію, а подлинникъ спрятали среди старыхъ запыленныхъ нумеровъ оффиціальныхъ газетъ, сложенныхъ на этажеркѣ въ Секретарской.

— Ну, теперь по копіи можно начать печатаніе, сказалъ я.

— Нѣтъ, надо спросить Думу, возразилъ Добровольскій.

— Зачѣмъ. Вѣдь чѣмъ скорѣй грамота будетъ напечатана, тѣмъ скорѣе весь этотъ шумъ прекратиться. Да и притомъ наборъ, корректура, печать — все это требуетъ времени. А кромѣ того, наборщики ждутъ.

— Нѣтъ, надо спросить.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ приказъ: „Не печатать, но наборщиковъ не распускать.“

Сосчитавъ число буквъ, я всетаки отправился въ Министерскую типографію, чтобы посовѣтоваться съ завѣдующимъ, какъ организовать работу. Оттуда меня, однако, скоро вызвали.

— Новое распоряженіе изъ Думы — везти грамоту на Милліонную 21.

— Это зачѣмъ?

— Это квартира Михаила Александровича (впослѣдствіи оказалось, что это была квартира князя Путятина, предоставленная имъ Великому Князю для переговоровъ съ представителями Думскаго Комитета).

— Какъ хотите, господа, — запротестовалъ я, — но разъ грамотѣ угрожаетъ такая опасность, тащить ее на улицу второй разъ нельзя. Михаилъ повѣритъ и нашей копіи.

Такъ и рѣшили. Копію по указанному адресу повезъ Лебедевъ. Изъ Думы звонятъ опять и говорятъ, что указанія о печатаніи мы получимъ изъ квартиры на Милліонной.

Въ типографіи все налажено. Ждемъ. Звонитъ Лебедевъ.

— Копію передалъ. Совѣщаніе началось. Меня просили подождать, чтобы вернуть Вамъ копію для печатанія. Нашъ телефонъ такой то.

Со всѣхъ концовъ Россіи по нашимъ проводамъ поступаютъ запросы о положеніи дѣла. Пока не выяснится исходъ совѣщанія на Милліонной, рѣшили не отвѣчать.

Что-то тамъ происходитъ? Звонимъ. Лебедевъ даетъ уклончивые отвѣты. Видимо, по телефону говорить не рѣшается. Бубликовъ посылаетъ туда же Сидѣльникова. Все вниманіе сосредоточено на Милліонной. Разговоры невольно обращаются къ сущности происходящихъ тамъ событій. Основной вопросъ, какъ и утромъ, все тотъ же: отреченіе или низложеніе. Вѣдь и Михаилъ можетъ отречься. За низложеніе, да и то условно, высказывается только одинъ Рулевскій. Всѣ остальные за отреченіе. Конечно, низложеніе красивѣй и эффектнѣе. Но о красотѣ ли теперь думать. Страна въ войнѣ, а низложеніе навяжетъ междусобіе въ арміи. Нѣтъ, отреченіе, отреченіе и только отреченіе. Ну, а дальше? У насъ почти всѣ за парламентарную монархію.

— Народу нуженъ царь. Онъ привыкъ къ этому символу. А конституцію сейчасъ, подъ напоромъ событій, можно состряпать какую угодно.

— Конституціей жить не будешь, нужно наладить жизнь. Вотъ сейчасъ задача, и воевать...

— Вы знаете, что солдаты говорили о Михаилѣ — „хрѣнъ рѣдьки не слаже". Михаилъ ли, Алексѣй ли — все едино. У мужика помыселъ одинъ — „земля".

— Парламентарный строй — это значитъ широкія реформы. Всеобщее голосованіе — земельная реформа прежде всего. А царь — это историческая эмблема власти.

— Юрій Владиміровичъ, Васъ въ типографію просятъ.

Иду, уже около двухъ часовъ. Наборщики волнуются. Уговариваю ихъ. Объясняю важность исторической минуты и даю денегъ на устройство обѣда.

Вернувшись изъ типографіи, застаю инспектора Некрасова. Онъ разсказываетъ подробно о своей поѣздкѣ съ Гучковымъ. Наибольшій интересъ, конечно, вызываетъ инцидентъ съ арестомъ.

— Пришли мы на митингъ. Тамъ выступаютъ ораторъ за ораторомъ. Гучковъ подходитъ къ предсѣдателю. Тотъ сперва былъ любезенъ, просилъ подождать. А затѣмъ спрашиваетъ — „Вы кто такой?" Тотъ отвѣчаетъ, что членъ Государственнаго Совѣта Гучковъ. „Чѣмъ это Вы можете подтвердить?" Тотъ началъ что то объяснить, но толпа загудѣла — арестовать, арестовать! Тутъ ужъ я вскочилъ на

столъ и сталъ уговаривать, что Гучкова вся Россія знаетъ, что мы привезли актъ отреченія . . Пошли какіе то переговоры. Насъ вѣжливо продержали еще минутъ двадцать и выпустили.

Появился Лебедевъ.

— Ну что, что?

— Михаилъ отрекся въ пользу Учредительнаго Собранія. Набоковъ пишетъ актъ. Будетъ образовано Временное Правительство.

Тѣ же свѣдѣнія Бубликовъ получилъ и изъ Думы. Во главѣ Временнаго Правительства будетъ князь Львовъ. Повидимому, это въ Думѣ было рѣшено уже давно и фактъ назначенія его Царемъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ лишь указываетъ, что между Думой и Николаемъ II были какія то сношенія, намъ неизвѣстныя. Вѣрнѣе всего, черезъ Рузскаго по аппарату Юза между Псковымъ и Главнымъ Штабомъ.

— Итакъ, монархія въ Россіи пала, проговорилъ я задумчиво.

— Ну, наврядъ ли, возразилъ Лебедевъ. Михаилъ своимъ благороднымъ отказомъ значительно укрѣпилъ свои шансы на избраніе.

— Пожалуй . . . Разскажите подробности.

— Квартира довольно простая. Двѣ горничныхъ накрывали завтракъ, точно ничего не случилось.

— Вы Михаила видѣли?

— Видѣлъ. Видъ у него довольный. Шагалъ себѣ по комнатѣ вполнѣ благодушно. Его и уговаривать то было не надо. „Вамъ, господа, виднѣе, какова воля народа.“

— Кто ее видитъ? Народъ, какъ у Пушкина, безмолствуетъ. Петроградъ еще не вся Россія.

Но въ общемъ настроеніе было самое приподнятое, радостное. Точно сонъ. Временное Правительство . . . Учредительное Собраніе . . . Старыя, святыя слова. И вотъ онѣ претворяются въ жизнь . . . . .

Захожу къ Комиссарамъ. Бубликовъ кончаетъ говорить съ кѣмъ то по телефону, вѣшаетъ трубку и начинаетъ хохотать.

— Угадайте, съ кѣмъ я говорилъ?

— Не знаю.

— Съ бывшимъ Министромъ Треповымъ. Проситъ, чтобы его арестовали.

— Зачѣмъ?

— Да говоритъ, страшно; вломятся солдаты . . . Скажите ротмистру, чтобы послалъ солдатъ.

— Александръ Александровичъ, съ Вами опять Треповъ хочетъ говорить.

— Слушаю ... къ Вамъ пришли Кривошеинъ и Вашъ братъ .. Понимаю ... Ихъ тоже арестовать? Съ удовольствіемъ.

Не прошло и часа, какъ наши, не вполнѣ добровольные гости, пріѣхали; ихъ провели къ Комиссарамъ и предложили чаю. Вечерѣло ... Прощальные лучи заходящаго солнца придавали комнатѣ какое то огненно-красное освѣщеніе. Гости благодушествовали ... Дрр ... Бубликову начинаютъ передавать изъ Думы составъ Временнаго Правительства. Всѣ насторожились. Онъ раздѣльно диктуетъ.

— Предсѣдатель — князь Львовъ. Онъ же внутреннихъ дѣлъ. Иностранныхъ дѣлъ — Милюковъ. Военный и Морской — Гучковъ, Земледѣлія — Шингаревъ, Финансовъ — Терещенко. Кто? Михаилъ Ивановичъ? Да, Терещенко. Торговли — Коноваловъ. Путей Сообщенія — Некрасовъ. Юстиціи — Керенскій. Государственный контролеръ — Владиміръ Львовъ. Просвѣщенія — еще неизвѣстно.

Всѣ задумались.

Первый нарушилъ молчаніе Кривошеинъ. Ни къ кому не обращаясь, онъ сказалъ:

— Это правительство имѣетъ одинъ серьезный ... очень серьезный недостатокъ ... Оно слишкомъ правое ... Да, правое. Мѣсяца два тому назадъ оно удовлетворило бы всѣхъ. Оно спасло бы положеніе. Теперь же оно слишкомъ умѣрено. Это его слабость. А сейчасъ нужна сила ... И этимъ, господа, вы губите не только ваше дѣтище-революцію, но и наше общее отечество Россію.

Меня тогда же поразили слова этого стараго, искушеннаго жизнью царскаго министра. Въ нихъ слышался не только умъ, въ нихъ слышалась доподлинная правда. Быть можетъ, кромѣ того, было задѣто мое самолюбіе практика-„дѣятеля". Но весь этотъ составъ Министерства мнѣ не нравился. Ну, какой Министръ финансовъ Терещенко, милый благовоспитанный юноша, всегда безукоризненно одѣтый, служившій по балетной части и пользовавшійся головокружительнымъ успѣхомъ у корифеекъ. Но что онъ финансамъ, что ему финансы? Русскіе расшатанные войной финансы. А Некрасовъ, кадетъ, идеалистъ ... Профессоръ статики сооруженій безъ трудовъ. Знакомый съ путями сообщенія по студенческимъ запискамъ и по Думѣ ... Развѣ его можно справнить съ Кригеромъ? Да и почему же изъ той же Думы не взять Бубликова, Добровольскаго? Или изъ нашей среды Воскресенскаго, Шмита? ... Наконецъ Шинга-

ревъ безспорно умный человѣкъ, но онъ по образованію врачъ, а въ Думѣ занимался финансами. Причемъ же земледѣліе и землеустройство? Вѣдь тотъ же Кривошеинъ его за поясъ заткнетъ... Нѣтъ, не хорошо.

Въ туманной формѣ я высказалъ свою мысль.

— Да, все общественные дѣятели, трибуны, отвѣтилъ Кривошеинъ, скорѣе моимъ мыслямъ, чѣмъ моимъ словамъ: роли помѣнялись. Вы господа, идете въ министры, а мы теперь будемъ работать въ общественныхъ организаціяхъ и... критиковать васъ.

— Только ваша критика будетъ основана на опытѣ. Одно говорить — другое знать, что осуществимо и что неосуществимо.

Дрр... Изъ Думы звонятъ, чтобы оба акта печатать на одномъ листѣ. Звоню на Милліонную. Сидѣльниковъ выѣхалъ уже. Вмѣстѣ съ ротмистромъ спускаемся въ типографію и ставимъ караулъ. Предосторожность, какъ впослѣдствіи оказалось, совершенно излишняя. Еще въ три часа Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ выпустили летучку: „Николай II отрекся въ пользу своего брата Михаила, а тотъ, въ свою очередь, отрекся въ пользу народа." Сперва я прочелъ наборщикамъ отреченіе Николая. Слушали напряженно. Одинъ старикъ крестился. Затѣмъ сталъ диктовать слово за словомъ шести наборщикамъ. Зовутъ къ телефону, охраняемому часовымъ.

— Пожалуйте наверхъ.

Передаю диктовку студенту и поднимаюсь наверхъ, Тамъ Сидѣльниковъ и мой старый сослуживецъ баронъ В. Б. Тизенгаузенъ.

— Давайте актъ.

— Нѣтъ его. Увезли въ Думу. Передадутъ послѣ. Набирайте первый.

— Набираемъ. Вы что, дорогой баронъ?

— Работы для революціи пришелъ просить.

— Отлично, становитесь ко мнѣ за помощника по типографіи. Идемъ туда...

Наладивъ работу въ типографіи, опять поднимаюсь наверхъ. Наступилъ вечеръ. Горитъ электричество. Сидѣльниковъ разсказываетъ свои впечатлѣнія.

— Сижу я въ залѣ часъ, другой, скучно. Подсаживается ко мнѣ старичекъ въ пиджакѣ, благообразный такой. Заговорили. Потомъ онъ представляется, — „Великій князь Николай Михайловичъ." *) Ну, я тоже кланяюсь — „Присяжный повѣренный Сидѣльниковъ", продолжаемъ бесѣду.

*) Извѣстный историкъ.

„Сколько разъ, говоритъ, я ему, дураку, объяснялъ, чѣмъ это кончится. Не слушалъ, вотъ и дождался. Въ декабрѣ ужъ своей шкуры ради, собрались мы, великіе князья, и послали ему депутацію: заточай жену, давай отвѣтственное министерство, и слушать не сталъ. Безъ воли всегда былъ, а жена и послѣдніе остатки у него отняла“. . . .

— Юрій Владиміровичъ, на Виндавской эшелоны разносятъ станціи.

— Что же, теперь можно везти ихъ по назначенію.

— На Николаевской тоже случаи были.

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Надо же силу богатырскую показать. Позвоните въ Думу. Пусть актъ посылаютъ.

— Актъ у князя Львова, онъ будетъ въ Думѣ не раньше восьми. Въ восемь назначено первое засѣданіе Совѣта Министровъ.

Черезъ нѣсколько минутъ опять звонокъ: просятъ къ засѣданію привезти подлинникъ отреченія Николая. Посовѣтовались съ Бубликовымъ и рѣшили, что „пропавшую грамоту“ повеземъ мы съ Сидѣльниковымъ и вручимъ въ руки главѣ власти князю Львову.

Забѣжалъ я еще разъ въ типографію, поговорилъ съ дорогами и стали доставать мы грамоту. Нѣтъ . . . Вотъ такъ штука, второй разъ, третій . . . Чувствую, какъ холодный потъ у меня на спинѣ выступаетъ. Начинаю трясти каждую газету въ отдѣльности. Ухъ, изъ одной выпадаетъ грамота.

Ѣдемъ. Быстро летитъ автомобиль. На Владимірской солдаты остановили автомобиль.

— Вылѣзайте: автомобиль нуженъ для экстреннаго дѣла.

— Мы тоже по экстренному дѣлу. Вотъ пропускъ на автомобиль.

— Я помощникъ Комиссара. Ѣду на засѣданіе Совѣта Министровъ. Солдаты стали совѣщаться.

— Хай ѣдутъ, скаженные . . .

Ѣдемъ. У Думы, несмотря на поздній часъ, толпа людей. Стражи нѣтъ. Вхожу въ полутемный Екатерининскій залъ. Загаженъ, заплеванъ до невѣроятности. Тутъ же въ залѣ разносчики папиросъ, конфектъ и всякой дряни разбили свои лавочки. Довольно много народу, разбившагося по кучкамъ. Преобладаютъ солдаты. Посреди зала въ ажіотаціи стоитъ профессоръ Артемьевъ. Кинулся ко мнѣ и сталъ объяснять значеніе событій. Едва отдѣлался. Спрашиваю всѣхъ, гдѣ Думскій Комитетъ, гдѣ Министры. Никто не знаетъ. Посылаютъ то въ одно, то въ другое мѣсто.

Наконецъ объяснили, что въ лѣвомъ отъ главнаго входа боковомъ крылѣ. Идемъ по корридору . . . У одной двери на часахъ стоятъ юнкера. Ну, думаю, тутъ. Говорятъ, да, но не пускаютъ ни за что. Положеніе самое глупое. Уже половина девятаго.

По порученію Комитета
членовъ Государственной
Думы, предлагаю пропускать
автомобиль № 1717 съ шоферомъ
Иваномъ Роговскимъ
по городу и во дворъ Министерства Путей Сообщенія.
По порученію Комитета
Государственной Думы
Членъ Государственной Думы
[illegible]
Начальникъ Охраны
Ротмистръ [illegible]
Управленіе Желѣзныхъ Дорогъ
3/III-17

Завѣтная дверь раскрывается, выходитъ мой старинный знакомый, Харьковскій депутатъ Лашкевичъ. Отвожу его въ сторону и объясняю ему, въ чемъ дѣло. Онъ вводитъ насъ въ небольшую комнату, гдѣ кучками сидятъ депутаты и министры. Направо дверь въ такую же другую комнату.

Эти двѣ комнаты и составляли помѣщеніе Думскаго Комитета. Зачѣмъ Родзянко ушелъ изъ своего роскошнаго кабинета? Зачѣмъ Комитетъ спрятался, гдѣ то на задворкахъ? Мнѣ стало какъ то обидно.

Господа, провозгласилъ Лашкевичъ, вотъ привезли отреченіе Николая!

Къ намъ подошли Милюковъ, Владиміръ Львовъ и Годневъ. Начали разсматривать актъ. Другіе продолжали свои бесѣды по угламъ. Чувствовалась какая то растерянность. Я шелъ въ святилище русской революціи — къ героямъ, и засталъ какихъ то испуганныхъ пигмеевъ. У насъ въ Министерствѣ жизнь била ключемъ, а тутъ какое мертвое царство. И мнѣ стало такъ тоскливо, больно, точно внезапно попалъ на похороны близкаго человѣка... На похороны своей мечты.

Изъ другой комнаты меня увидалъ Некрасовъ, подошелъ и спросилъ, зачѣмъ я здѣсь.

— Я привезъ отреченіе Николая.

— Давайте его мнѣ.

— Извините, я отдамъ его или Предсѣдателю Совѣта Министровъ, какъ главѣ Государства Россійскаго, или Министру Юстиціи, какъ Генералъ-Прокурору.

— Но ихъ нѣтъ, а у Васъ, вѣроятно, въ министерствѣ дѣла... Да наконецъ, я Вашъ начальникъ.

— Во-первыхъ Вы еще не вступили въ должность Министра Путей Сообщенія, во-вторыхъ я условился съ другими хранителями этого документа отдать его въ руки главѣ Правительства, а въ третьихъ я долженъ получить отъ князя Львова текстъ отреченія Михаила.

— Ну, какъ хотите, — и онъ, пожавъ плечами, ушелъ въ другую комнату.

Мы съ Сидѣльниковымъ переглянулись. Въ его глазахъ засверкали искры смѣха.

Уже десятый часъ, а князя нѣтъ. Пришли Шингаревъ и Терещенко, потомъ Коноваловъ. Изъ разговоровъ я понялъ, что только что состоялось еще два назначенія: Стаховича — министромъ по дѣламъ Финляндіи, и Кокошкина — по дѣламъ Польши. Кто-то изъ министровъ спрашиваетъ меня, какимъ путемъ можно немедленно доставить Кокошкина въ Петроградъ.

— Необходимо завтра къ засѣданію.

— Очень просто. Около одиннадцати отходитъ изъ Москвы скорый поѣздъ. Утромъ онъ будетъ въ Петроградѣ. Я сейчасъ прикажу оставить ему отдѣленіе.

— Пожалуй, онъ не успѣетъ къ одинадцати.

— Тогда я назначу экстренный поѣздъ, разъ это необходимо.

Всѣ переглянулись.

— Сколько же времени это займетъ?

— Ну, само назначеніе — пять-шесть минутъ. Только будьте любезны сговориться съ Кокошкинымъ по телефону и сказать мнѣ точно, когда онъ выѣдетъ. А то мы запутаемъ движеніе.

Черезъ минутъ пять Кокошкинъ сообщилъ по телефону, что часа въ два онъ будетъ готовъ.

— Что въ два, что въ три — это безразлично. Все равно экстренный поѣздъ упрется въ пучекъ скорыхъ. Я сейчасъ даю назначеніе по телефону въ три, только, пожалуйста, предупредите Кокошкина, чтобы ни на минуту не задержалъ поѣзда,

Начинаю диктовать въ телефонъ: „Петроградъ - Николаевскій.*) Для Министра Кокошкина прошу четвертаго марта назначить экстренный поѣздъ изъ Москвы до Петрограда, составѣ одного вагона перваго класса отправленіе изъ Москвы около трехъ. Прибытіе Петроградъ пасс. около одиннадцати. Точка. Билеты по числу ѣдущихъ. Точка. Точное время отправленія сообщите Министру Кокошкину въ Москвѣ по телефону . . .

— Я обернулся, чтобы спросить номеръ телефона. Если бы вы видѣли съ какимъ священнымъ почтеніемъ и ужасомъ смотрѣли, на меня г. г. Министры, когда я совершалъ такую простую операцію, какъ назначеніе поѣзда.

Около половины одинадцатаго появился князь Львовъ, испуганный, растерянный. Привезъ отреченіе Михаила. Подождали еще немного Керенскаго и затѣмъ усѣлись. Чтобы отпустить насъ съ Сидѣльниковымъ, начали съ вопроса объ опубликованіи актовъ.

— Какъ назвать эти документы?

— По существу это суть манифесты двухъ Императоровъ, — заявилъ Милюковъ.

— Но Николай — возразилъ Набоковъ — придалъ своему отреченію иную форму — форму телеграммы на имя Начальника Штаба. Мы не можемъ мѣнять эту форму . . .

— Пожалуй. Но рѣшающее значеніе имѣетъ отреченіе Михаила Александровича. Оно написано Вашей рукой, Владиміръ Дмитріевичъ и мы можемъ его вставить въ любую рамку. Пишите: „Мы милостью Божіей, Михаилъ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая и прочая . . . объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ: Тяжелое бремя . . .

---

*) Начальнику дороги.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслію, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.-

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.- Михаилъ

3/III -1917
Петроградъ.

— Позвольте, позвольте... да вѣдь онъ не царствовалъ.

Начался горячій споръ.

— Съ момента отреченія Николая, Михаилъ являлся дѣйствительно законнымъ Императоромъ... Михаиломъ II,— докторально поучалъ Набоковъ. Онъ почти сутки былъ Императоромъ... Онъ только отказался воспріять верховную власть.

— Разъ не было власти, не было царствованія.

— Жестоко ошибаетесь. А малолѣтніе и слабоумные монархи..

Споръ ушелъ въ дебри государственнаго права. Милюковъ и Набоковъ съ пѣной у рта доказывали, что отреченіе Михаила только тогда имѣетъ юридическій смыслъ, если признать что онъ былъ Императоромъ.

**4 Марта.**

Полночь застала насъ за этимъ споромъ. Наконецъ, около 2 часовъ ночи соглашеніе было достигнуто. Набоковъ написалъ на двухъ кусочкахъ бумаги названія актовъ.

I

Актъ

объ отреченіи Государя Императора Николая II отъ Престола Государства Россійскаго въ пользу ~~Вел. Кн.~~ Великаго Кн. Мих. Ал.

II

Актъ

объ отказѣ В. К. М. Ал. отъ воспріятія Верховной власти и о признаніи имъ всей полноты власти за Временнымъ Правительствомъ, возникшимъ по почину Гос. Думы.

Надъ этими строками можно поставить заглавіе: „Результатъ первыхъ шести часовъ работы перваго Временнаго Правительства“.

Съ горькимъ чувствомъ ѣхалъ я въ Министерство. Если такое говореніе происходитъ внутри кабинета, то что будетъ съ Совѣтомъ. И какова будетъ роль этого учрежденія при наличіи Кабинета? Какъ они уживутся рядомъ. Они или должны слиться въ какой нибудь Конвентъ, или одно должно разогнать другое.

Около трехъ пріѣхалъ въ Министерство. Тамъ оказалось: жена пріѣхала провѣдать меня и привезла мнѣ изъ дому ужинъ. Ждетъ меня съ одинадцати часовъ. За ней все время ухаживалъ Тизенгаузенъ и пѣлъ мнѣ дифирамбы.

Прежде всего вмѣстѣ съ Тизенгаузеномъ устремились въ типографію наладить наборъ второго отреченія. Затѣмъ вернулся къ женѣ. Поговорили мы съ ней немного и она отправилась ночевать къ Тизенгаузенамъ. Я же забрался въ комнату съ диваномъ и позвалъ Бубликова ужинать. Въ сверткѣ оказалась курица, пирогъ съ кашей и полъ-бутылки доброй мадеры. Бубликовъ заставилъ долго ждать себя.

— Извините, голубчикъ; съ Думой говорилъ.

Поѣли, выпили.

— Ваше здоровье, дорогой. Ну, намъ нужно поговорить серьезно. Сейчасъ имѣлъ длинный разговоръ съ Родзянкой. Повидимому, Некрасовъ перейдетъ въ Министры Просвѣщенія и я останусь здѣсь.

— Могу только поздравить... не васъ, а Россію.

— Нда... вопросъ о сотрудникахъ. Васъ я прошу остаться на мѣстѣ, т. е. быть старшимъ товарищемъ Министра, другой товарищъ у меня тоже есть на примѣтѣ, ну а вотъ кого сдѣлать начальникомъ управленія?

— Спасибо, Александръ Александровичъ, за довѣріе, но позвольте мнѣ съ Вами быть вполнѣ откровеннымъ. Во первыхъ мнѣ не хотѣлось бы что либо получить за мое участіе въ революціи, во вторыхъ не думаю, чтобы я былъ хорошимъ товарищемъ Министра даже при Васъ. Мнѣ кажется, что если ужъ меня нужно использовать — сажайте меня начальникомъ управленія, или даже начальникомъ Николаевской ж. д. — я ее знаю.

— А кого товарищемъ Министра?

— Воскресенскаго.

— Не пойдетъ. Вѣдь его прочили въ Министры.

— Думаю — пойдетъ.

— Переговорите съ нимъ по телефону.

Бесѣда затянулась до разсвѣта. Составляли списки назначеній и увольненій, намѣчали первые шаги. Нѣсколько разъ меня вызывали сверхъ того въ типографію.

А всетаки, какая то горечь все время шевелилась въ душѣ: скажутъ, башкой жертвовалъ не за родину, а за карьеру . . .

Къ утру актъ отреченія былъ отпечатанъ. Часть послалъ въ Думу, другую съ женой въ Царское, третью самъ повезъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, разбрасывая по улицамъ въ толпу. Стрѣльбы уже нѣтъ. Солнечный день. Улицы запружены народомъ. Ликованіе общее.

По дорогѣ мнѣ пришло въ голову послать на каждую дорогу по нѣсколько сотъ экземпляровъ актовъ для расклейки по станціямъ и мастерскимъ. Умыселъ былъ тутъ иной: мнѣ хотѣлось разослать по всѣмъ дорогамъ своихъ людей, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Бубликовъ одобрилъ мою мысль.

— Это хорошо, но знаете, сперва надо дать депешу.

— Хорошо, сейчасъ составлю. И черезъ пять минутъ я подалъ Бубликову приводимую ниже телеграмму.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ входившій въ комнату Добровольскій.

Бубликовъ протянулъ депешу.

— Полагаю, что я ее тоже долженъ подписать.

— Пожалуйста.

Подписались, но я забылъ исправить единственное число на множественное. Такъ ее и передали:

„Всѣмъ Н.

Объявите по линіямъ: Императоръ Николай отрекся 2 марта отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича. Великій Князь 3 марта отказался воспріять Верховную власть до установленія образа Правленія Учредительнымъ Собраніемъ созваннымъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и обратился ко всѣмъ гражданамъ съ просьбой подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти до рѣшенія Учредительнаго Собранія объ образѣ правленія.

Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ состоитъ Князь Львовъ, Министромъ Путей Сообщенія Некрасовъ. Актъ объ отреченіи сейчасъ разсылается.

Спокойствіе въ столицѣ полное.

Комиссаръ Государственной Думы

Членъ ея Бубликовъ и Добровольскій.“

Да, въ столицѣ спокойствіе болѣе или менѣе полное. Но этого нельзя сказать даже про ближайшія станціи. Вотъ

напримѣръ отрывокъ изъ рапорта начальника участка изъ Оредежа, представленнаго мнѣ Правосудовичемъ:

„Усердно прошу Васъ что либо сдѣлать въ огражденіе линіи и, главнымъ образомъ, ст. Оредежъ отъ разгрома пьяныхъ, голодныхъ солдатъ. Эшелоны, какъ нарочно, задерживаются въ Оредежѣ, то изъ за паровоза, то изъ за отказа бригадъ ѣхать. Всѣ лавки сегодня разгромлены. Попытки разгрома бывшаго Продовольственнаго пункта были предупреждены моимъ личнымъ вмѣшательствомъ съ заигрываніемъ частей. Служащіе всѣ терроризованы и къ нимъ уже ломятся безъ зазрѣнія совѣсти, отнимая послѣдній кусокъ хлѣба. Я многимъ бригадамъ выдавалъ хлѣбъ, но въ этомъ было замѣтно не столько дѣйствительная потребность, сколько выраженія какого то протеста съ подчеркиваніемъ, что мы должны ихъ кормить, иначе... и т. д.

Вчера п. № 3 прибылъ, и на паровозѣ было 15 пьяныхъ солдатъ, которые всю дорогу отъ Вырицъ стрѣляли. Днемъ на пути отказываются служащіе выходить на работу изъ боязни быть застрѣленными.

Будьте любезны доложить Управляющему, чтобы онъ хоть проѣхалъ по линіи, для поддержанія служащихъ въ ихъ сейчасъ, тяжелой долѣ. Отъ доставки хлѣба въ Петроградъ придется отказаться, т. к. и безъ того погублено много закваски во время невыпеченной изъ-за буйства солдатъ; кромѣ того сегодня, крестьяне громили кооперативы и товарную станцію и только мы въ согласіи съ ДС „дѣло" отнесли съ полосы отчужденія, выдавъ имъ муку, которая была назначена къ отправкѣ. Агрономъ избитъ и едва живъ. Положеніе угрожающее, ни телеграфировать, ни по фонопору, Вы сами понимаете, я передать этого не въ состояніи.

Необходима охрана отъ насилія, немедленно, 2 марта 1917."

Съ другихъ дорогъ поступаютъ подобныя же свѣдѣнія. Солдаты буйствуютъ.

Еще хуже положеніе въ Кронштадтѣ. Матросы почти сплошь большевики. Отстранили почти всѣхъ офицеровъ. Наименѣе популярныхъ арестовали и заставили чистить клозеты. Поѣздки туда членовъ Думы никакого успѣха не имѣли.

На дорогахъ тоже кое-гдѣ желѣзно-дорожные служащіе начинаютъ расправляться съ неугоднымъ начальствомъ. Я предложилъ Бубликову немедленно уволить отъявленное хулиганье.

— Правильно, но знаете, какъ то неудобно, пока Министромъ числится Некрасовъ.

— Переговорите съ нимъ.

Разговоръ былъ довольно бурный и безрезультатный. Повидимому, Некрасовъ остается. Довольно неожиданно около 4-хъ онъ самъ явился въ Министерство... съ женой. Эта дама какъ то странно смотрѣла на меня.*) Комиссары заперлись съ четой Некрасовыхъ въ кабинетѣ и часа два совѣщались. Въ это время явился Козыревъ, оставшійся Предсѣдателемъ Инженернаго Совѣта, звать Министра въ Совѣтъ, чтобы представить членовъ.

— Юрій Владиміровичъ, доложите ему.

— Я пошелъ.

— Нѣтъ, знаете... Я не вступилъ еще... да если идти, надо что нибудь сказать, а у меня ничего не приготовлено.

— Слушаю-съ.

Передалъ Козыреву, тотъ разсердился и самъ пошелъ говорить съ Некрасовымъ, но вернулся красный.

Министерство, если не считать солдатъ, начинаетъ принимать все болѣе и болѣе обычный видъ. Появились просители, представители частныхъ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ. Ежеминутно приходится рѣшать нѣсколько вопросовъ. Жизнь бьетъ ключемъ. Главное затрудненіе — это законность. Изъ Думы лозунгъ: „Революція кончилась. Новая власть должна быть строго закономѣрной. Никакого произвола." Это хорошо, но законы то отъ царя остались очень скверные. Юрисконсультъ почти не выходитъ изъ моего кабинета. Оформляемъ содѣянное во время революціи и выясняемъ, что, въ какомъ порядкѣ должно быть отмѣнено. Для простоты, прямо заготовляемъ депеши, которые должны подписать Министръ или одинъ, или совмѣстно съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, или послѣ обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ. Первымъ номеромъ идетъ депеша Министра объ отмѣнѣ правилъ пріема на желѣзнодорожную службу, т. е. объ отмѣнѣ политическаго сыска въ самомъ Министерствѣ. Вторымъ, отмѣна всѣхъ ограниченій относительно дѣятельности продовольственныхъ комитетовъ. Третьимъ, уничтоженіе желѣзнодорожной жандармской полиціи.

Въ кабинетъ входитъ Шабуневичъ, одинъ изъ старыхъ драбантовъ Министерства, и протягиваетъ анонимную бумажку съ предложеніемъ вольнонаемнымъ служащимъ Министерства собраться въ 5 часовъ въ залѣ Комитета для обсужденія вопроса объ образованіи Союза.

— Какъ прикажете поступить?

---

*) Потомъ оказалось, что мы съ ней давно знакомы.

— Никакъ. Это насъ не касается. Это дѣло экзекутора. А у него нѣтъ, я думаю, никакихъ основанiй не дать этой залы для митинга въ неслужебное время.

— А о союзѣ?

— Это опять насъ не касается. Это дѣло служащихъ. Мы не можемъ мѣшать имъ организоваться. Это ихъ дѣло. Если они придутъ къ намъ съ требованiями, мы ихъ будемъ обсуждать. А пока мы должны быть въ сторонѣ: не поощрять и не препятствовать.

— Слушаю-съ.

— Скажите тамъ въ канцелярiи, — обратился я къ помощнику дежурнаго, чтобы заготовили объявлвнiе, что въ служебное время всякiе митинги запрещаются.

Стемнѣло. Некрасовъ и Добровольскiй ушли, а Бубликовъ зашагалъ по кабинету, а затѣмъ долго, долго разговаривалъ съ Думой. Вдругъ дверь его кабинета распахнулась.

— Ну, ребята, довольно работать. Революцiя кончилась. Банки открыты. Надо и отпраздновать. Филаретъ, заказывай обѣдъ въ клубѣ. Тряхнемъ стариной.

Такъ неожиданно состоялся обѣдъ „висѣльниковъ". Былъ Бубликовъ, Павловскiй, Сидѣльниковъ, я, Лебедевъ, Рулевскiй и Тюменевъ (изъ эксплоатацiоннаго отдѣла). Выпили нѣсколько бутылей шампанскаго. Говорили рѣчи.

Послѣ обѣда я вернулся въ Министерство и сѣлъ за работу.

### Воскресенье 5 марта.

Около трехъ пробовалъ лечь на полу, но заснуть не могъ. Все утро ушло на разговоры съ дорогами. Подвозъ въ Петроградъ съ юга дошелъ до небывалой цифры 2000 вагоновъ. И это во время революцiи. Наши желѣзнодорожники превзошли себя.

Москва торжественно на Красной площади присягнула Временному Правительству. Въ Петроградѣ, однако, съ присягой происходитъ какая-то заминка. Нѣкоторые полки уклоняются отъ присяги... Сейчасъ объ этомъ ведутся переговоры.

Неладно и съ низшими служащими на дорогахъ. Вмѣсто работы пошли митинги. Совѣтъ на каждую дорогу назначилъ своего комиссара. Сейчасъ былъ у меня комиссаръ Николаевской. Очень толковый человѣкъ съ среднимъ техническимъ образованiемъ, меньшевикъ. Мы съ нимъ столковались съ двухъ словъ: надо поддерживать движенiе и въ то же время выкристаллизовывать главнѣйшiя желанiя служащихъ. Когда они сами уяснятъ себѣ, что имъ надо, бу-

демъ торговаться. Государство, какъ хозяинъ, несомнѣнно пойдетъ навстрѣчу. Столкуемся по хорошему. А работать сейчасъ нужно во всю.

Много хуже на Виндавской. Тамъ управляющій и уменъ, и либераленъ, но совѣтскій комиссаръ попался такой твердо-каменный большевикъ изъ интеллигентовъ, что они никакъ не могутъ сговориться.

Объ этихъ дѣлахъ говорили съ Думой и неожиданно оттуда прислали для оформленія подписанную Некрасовымъ и Керенскимъ телеграмму:

— Всѣмъ Н. —*)

Сообщите всѣмъ служащимъ и рабочимъ, что съ согласія Временнаго Правительства при Министерствѣ Путей Сообщенія образована подъ Предсѣдательствомъ депутата Добровольскаго Особая Комиссія для срочной демократизаціи устава о службѣ на желѣзныхъ дорогахъ, а также для пересмотра матеріальныхъ условій труда. Въ частности будетъ разрѣшенъ вопросъ о представительствѣ служашихъ и рабочихъ въ Управленіяхъ дорогъ. Приглашаемъ поэтому служащихъ и рабочихъ ожидать планомѣрнаго рѣшенія вопроса и отказаться отъ немедленныхъ самостоятельныхъ шаговъ, которые могутъ нарушить правильную работу, столь необходимую въ современныхъ условіяхъ войны и водворенія власти. № 1788.

Министръ Путей Сообщенія Некрасовъ.
Министръ Юстиціи Керенскій.

Мы съ Бубликовымъ такъ и ахнули. Во первыхъ, Некрасовъ не вступилъ вѣдь въ должность, а во вторыхъ о какомъ „представительствѣ служащихъ и рабочихъ въ Управленіяхъ дорогъ" идетъ рѣчь. Какой парламентаризмъ возможенъ въ желѣзнодорожной организаціи, которая должна работать какъ часы, подчиняясь единой волѣ, въ которой все основано на „секундномъ командованіи".

— А главное, — вопилъ Бубликовъ: надо сейчасъ что-то дать, понимаете. Сейчасъ ... немедленно. Комиссіей сытъ не будешь. Не эту депешу надо посылать, а заготовленную юрисконсультомъ и Вами. Это — обѣщаніе, а то реальное благо. А главное, надо сейчасъ же выгнать всю сволочь изъ Министерства и особенно съ дорогъ. Пишите, соотвѣтственную телеграмму.

— Но кто же будетъ Министромъ? Наконецъ, кто сейчасъ управляетъ Министерствомъ? возразилъ я.

---

*) Начальникамъ и управляющимъ дорогъ.

Бубликовъ ничего не отвѣтилъ, только сверкнулъ глазами и, запершись, сталъ разговаривать по телефону съ Думой. Повидимому, отношенія съ Комитетомъ у него обостряются и Министромъ ему не бывать.

— Отправьте депешу Керенскаго и Некрасова и не разспрашивайте меня ни о чемъ, крикнулъ Бубликовъ изъ полуоткрытой двери. Мы съ Рулевскимъ переглянулись и онъ куда то исчезъ.

Незамѣтно за работой прошло часа полтора. Рулевскій отзываетъ меня въ уголъ.

— Мы не допустимъ ухода Александра Александровича. Мы устроимъ забастовку.

— Вы съ ума сошли. Какіе теперь забастовки.

— Эхъ, Юрій Владиміровичъ. Это все только начало ... Наступитъ время и мы съ Вами еще разъ будемъ брать Министерство, съ боя уже вѣроятно ... А пока Бубликовъ подходящій.

— На меня не разсчитывайте. При первой попыткѣ произвести безпорядокъ я приму противъ Васъ всѣ законныя мѣры.

— Ну, законныхъ то я не очень боюсь. И что Вы помѣшались на законѣ. Ну, на какомъ законѣ существуетъ Совѣтъ?

— Мы не объ этомъ сейчасъ говоримъ. Я душой за Бубликова и понимаю непригодность Некрасова, но противъ всякаго заговора ... Идемъ къ самому Бубликову.

Бубликовъ колебался меньше минуты, но затѣмъ рѣшительно сталъ на мою точку зрѣнія.

— Мы должны показать примѣръ повиновенія власти. Да окончательно еще ничего не рѣшено.

Около 3 пріѣхали Некрасовъ съ проф. Новгородцевымъ. Они заперлись въ кабинетѣ Министра и начали составлять манифестъ отъ Временнаго Правительства. Къ вечеру мнѣ для печатанія былъ переданъ слѣдующій текстъ:

„Временное Правительство
объявляетъ:

Граждане Россійскаго Государства!

Палъ старый порядокъ, наслѣдіе выродившагося самодержавія; цѣпи, сковывавшія народную силу, разбиты.

Великій переворотъ завершилъ долгіе годы борьбы, поглощавшей силы и стоившей жизни и свободы многихъ лучшихъ сыновъ нашей родины.

17 октября 1905 г., казалось, народъ одержалъ побѣду. Конституцiонный строй былъ провозглашенъ. Но лицемѣрная и лживая власть, пойдя на вынужденныя уступки, оправилась отъ первыхъ ударовъ и, сѣя пагубную общественную рознь, погромами, безпощадною расправою и кровавыми казнями съ перваго же дня стремилась растоптать народившуюся свободу. Несмотря на всѣ усилiя старой власти, Первая Государственная Дума съумѣла выразить основныя народныя требованiя. Она была распущена. Не добилась побѣды и вторая Дума. Въ нарушенiе основныхъ законовъ верховная власть измѣнила избирательный законъ съ цѣлью создать послушную ей Думу и въ теченiи ряда годовъ, непрерывно борясь съ народными стремленiями, тормозила преобразованiя, своекорыстно стараясь удержать старый укладъ, недававшiй развернуться духовной мощи и хозяйственной жизни народа.

Вспыхнула война. Всѣ правительства Западной Европы поняли, что побѣды можно достигнуть только величайшимъ напряженiемъ всѣхъ силъ и полнымъ единенiемъ съ народомъ. Они привлекли въ свой составъ наиболѣе даровитыхъ и безупречныхъ дѣятелей, почитаемыхъ населенiемъ. Николай II попрежнему чуждался общенiя съ народомъ, заботясь лишь о томъ, чтобы власть оставалась въ рукахъ приверженца стараго порядка. Онъ находилъ ихъ среди низкопоклонныхъ, алчныхъ, порою безчестныхъ людей, неспособныхъ подняться до пониманiя государственныхъ нуждъ. Люди эти думали объ одной своей выгодѣ, пренебрегали дѣломъ народной обороны, а иные изъ нихъ, чьи позорныя имена не изгладятся изъ народной памяти, предъ лицомъ врага торговали судьбою родины и запятнали себя измѣною. И за спиною этого ничтожнаго правительства все увѣреннѣе укрѣплялась безотвѣтственная сила темныхъ проходимцевъ, распутныхъ и преступныхъ. Они назначали и смѣняли министровъ, ихъ невѣжественный голосъ разрѣшалъ государственныя дѣла. Дружба и близость съ ними легла позоромъ на имя русскаго императора и отвратила отъ него всѣхъ честныхъ сыновъ родины.

Чаша народнаго терпѣнiя переполнилась. Могучiй порывъ сплотилъ воедино всѣхъ гражданъ. На сторонѣ царя не нашлось никого. Оставленный всѣми и сознавая свое безсилiе, онъ отрекся отъ престола за себя и за сына и передалъ наслѣдiе свое брату. Великiй Князь Михаилъ Александровичъ отказался воспрiять верховную власть. Онъ призналъ, что нынѣ только воля народа можетъ опредѣлить образъ правленiя и рѣшить судьбу престола. Всѣхъ граж-

данъ Державы Россійской онъ просилъ подчиниться Временному Правительству, возникшему по почину Государственной Думы и облеченному всею полнотою власти.

Во имя долга передъ родиной, Временное Правительство пріяло на себя тяжелое бремя этой власти и передъ лицомъ народа нынѣ несетъ отвѣтственность за его судьбу. Оно сможетъ исполнить свой долгъ, лишь черпая силу въ сознаніи единенія съ Государственной Думою и въ могучей поддержкѣ русской арміи, трудящихся массъ и общественныхъ организацій.

Главною своею задачею Временное Правительство почитаетъ въ возможно кратчайшій срокъ созывъ Учредителнаго Собранія. Оно будетъ созвано на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и установитъ Основные Законы будущаго Государственнаго строя, угоднаго народу.

Не допуская возможнымъ, чтобы отъ участіи въ выборахъ устранены были доблестные защитники родины, нынѣ проливающіе кровь на поляхъ сраженія, Временное Правительство установитъ порядокъ, обезпечивающій это участіе.

Временное Правительство не призвано къ разрѣшенію всѣхъ назрѣвшихъ законодательныхъ вопросовъ. Это задача Учредительнаго Собранія и тѣхъ законодательныхъ установленій, которые будутъ имъ созданы. Но Временное Правительство считаетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ нынѣ же осуществить полную амнистію по дѣламъ политическимъ и религіознымъ, обезпечить населенію права гражданской свободы и гражданскаго равенства и ввести всеобщее избирательное право при выборахъ мѣстнаго самоуправленія.

Но во главѣ всѣхъ народныхъ задачъ нынѣ стоитъ величайшая задача побѣдоноснаго окончанія войны въ единеніи съ нашими доблестными и вѣрными союзниками. Мы воюемъ, какъ и они, не ради расширенія границъ государства, а для созданія условій прочнаго мира, соотвѣтствующихъ достоинству великой державы, и необходимыхъ для достиженія ею великихъ національныхъ задачъ.

Граждане Россійскаго Государства, въ наступившую нынѣ историческую минуту объединеніемъ и напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ поможемъ великому подвигу нашей геройской арміи, сражающейся на фронтѣ. Впереди еще предстоитъ не мало тягостей и лишеній. Мирясь съ неизбѣжностью, терпѣливо перенося ихъ, будемъ помнить, что только упорнымъ и самоотверженнымъ трудомъ, постепенно создаются условія новой лучшей жизни.

Къ этому труду всѣхъ насъ призываетъ Россія.“

Но затѣмъ изъ Думы позвонили, что Совѣтъ Министровъ измѣнилъ текстъ манифеста и окончательный текстъ воззванія будетъ присланъ завтра. Я отпустилъ наборщиковъ и рѣшилъ съѣздить домой, чтобы хотя немного выспаться.

Пошелъ переговорить объ этомъ съ Бубликовымъ. Онъ сильно взволнованъ.

— Ну, завтра Некрасовъ вступаетъ въ должность. Предлагалъ мнѣ идти въ товарищи. Дудки... Вы ничего не знаете. Но Вы должны остаться. Я настаиваю на этомъ.

— Я вѣдь состою на службѣ: я членъ Инженернаго Совѣта.

— Ну да, еще ... и начальникомъ этихъ опытовъ. Нѣтъ, Вы должны остаться на дѣйствительной службѣ. Начальникомъ Управленія будетъ Шуберскій, но мѣсто товарища Министра вакантно.

— Почему же Вы отказываетесь?

— Я не могу съ этими хамами служить ... я человѣкъ свободный и властный, самъ хозяинъ, а Вы все равно служите ... Выйдите на минутку.

И онъ устремился къ телефону. Это былъ не разговоръ, а изступленный крикъ. Слово „хамство“ склонялось во всѣхъ падежахъ. Съ кѣмъ, о комъ, и о чемъ онъ разговаривалъ — не нонялъ; но въ такомъ бѣшенствѣ я Бубликова не видѣлъ ни до, ни послѣ.

— Прохвосты, проходимцы ... хамы ... губятъ Россію. Это чистѣйшая демагогія. Они не просуществуютъ и двухъ мѣсяцевъ ... Все пойдетъ къ чорту. Ихъ съ позоромъ выгонятъ ...

— Въ чемъ дѣло, Александръ Александровичъ?

— Въ томъ, что такого кумовства и при Распутинѣ не было ... А да, зачѣмъ Вамъ все это знать. Поѣзжайте домой и забудьте о нашемъ ночномъ разговорѣ ... Спасибо Вамъ за работу. И онъ горячо меня обнялъ.

Странное дѣло. Я человѣкъ честолюбивый и властолюбивый, но на этотъ разъ точно тяжелый камень спалъ съ моей души. Въ какомъ то восторгѣ съ высоко поднятой головой вышелъ я изъ Миннстерства и поѣхалъ на вокзалъ. Сознаніе, что я не получилъ за участіе въ революціи никакой платы дѣлало меня гордымъ и счастливымъ. По совѣсти, болѣе счастливыхъ минутъ я не переживалъ въ моей жизни. Жена тоже всецѣло раздѣляла мой восторгъ.

### 6-го марта.

Пріѣхавъ въ Министерство около 8 часовъ я засталъ текстъ новаго манифеста, который я сдалъ въ типографію. Вотъ этотъ текстъ:

„Отъ Временнаго Правительства.

Граждане Россійскаго Государства.

Свершилось великое. Могучимъ порывомъ русскаго народа низвергнутъ старый порядокъ. Родилась новая свободная Россія. Великій переворотъ завершаетъ долгіе годы борьбы.

Актомъ 17 октября 1905 г., подъ давленіемъ пробудившихся народныхъ силъ, Россіи обѣщаны были конституціонныя свободы. Однако обѣщанія эти не были исполнены. Выразительница народныхъ надеждъ, первая Государственная Дума, была распущена. Вторую Думу постигла та же участь и безсильное побороть волю народную правительство рѣшилось актомъ 3 іюня 1907 года отнять у населенія часть предоставленныхъ ему правъ на участіе въ законодательной дѣятельности. Въ теченіе долгихъ девяти лѣтъ у народа отнимались, пядь за пядью, всѣ завоеванныя имъ права. Страна опять ввергнута была въ пучину произвола и самовластія. Всѣ попытки вразумить власть оказывались тщетными и великая міровая борьба, въ которую родина наша вовлечена была врагомъ, застала ее въ состояніи моральнаго распада власти, не объединенной съ народомъ, безучастной къ судьбѣ родины и погрязшей въ позорѣ порока. Ни геройскія усилія арміи, изнывавшей подъ тяжестью жестокой внутренней разрухи, ни призывы народнаго представительства, объединившагося передъ лицомъ національной опасности, не были въ силахъ направить бывшаго императора и его правительство на путь единенія съ народомъ. И когда Россія противозаконными и пагубными дѣйствіями ея правителей поставлена была передъ величайшими бѣдствіями, народъ самъ долженъ былъ взять власть въ свои руки. Единодушный революціонный порывъ народа, проникнутаго сознаніемъ важности момента, и рѣшимость Государственной Думы создали Временное Правительство, которое и считаетъ своимъ священнымъ и отвѣтственнымъ долгомъ осуществить чаянія народныя и вывести страну на свѣтлый путь свободнаго гражданскаго устроенія.

Правительство вѣритъ, что духъ высокаго патріотизма проявившійся въ борьбѣ народа со старою властью, окрылитъ и доблестныхъ солдатъ нашихъ на полѣ брани. Пра-

вительство съ своей стороны приложитъ всѣ силы къ обезпеченію нашей арміи всѣмъ необходимымъ для того, чтобы довести войну до побѣднаго конца.

Правительство будетъ свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неуклонно исполнитъ заключенныя съ союзниками соглашенія.

Принимая мѣры къ защитѣ страны отъ врага внѣшняго, Правительство въ то же время почтетъ первѣйшею своею обязанностью открыть путь къ выраженію воли народной относительно образа правленія и созоветъ въ возможно кратчайшій срокъ Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, обезпечивъ участіе въ выборахъ и доблестнымъ защитникамъ родины, проливающимъ нынѣ кровь свою на поляхъ сраженія. Учредительное Собраніе издастъ также основные законы, обезпечивающіе незыблемыя основы права, равенства и свободы.

Сознавая всю тяжесть гнетущаго страну безправія, стѣсняющаго свободный творческій порывъ народа въ годину тяжкихъ народныхъ потрясеній, Временное Правительство сочтетъ необходимымъ немедленно, еще до созыва Учредительнаго Собранія, обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всѣмъ гражданамъ свободно проявлять свои духовныя силы въ созидательной работѣ на благо родины. Правительство озаботится также установленіемъ нормъ, обезпечивающихъ всѣмъ гражданамъ равное на основѣ всеобщаго права, участіе въ выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Въ минуту освобожденія народнаго вся страна съ благоговѣйною признательностью вспоминаетъ тѣхъ, кто въ борьбѣ за свои политическія и религіозныя убѣжденія палъ жертвою мстительной старой власти и Временное Правительство сочтетъ радостнымъ долгомъ вернуть съ почетомъ изъ мѣстъ ссылки и заточенія всѣхъ страдальцевъ за благо родины.

Исполняя эти задачи, Временное Правительство одушевлено вѣрою, что оно будетъ этимъ творить волю народную и что весь народъ поддержитъ его въ честномъ стремленіи обезпечить счастье Россіи. Въ этой вѣрѣ оно черпаетъ бодрость. Только въ дружномъ всенародномъ содѣйствіи усиліямъ оно видитъ залогъ торжества новаго порядка.

6-го марта 1917 года."

Дрр... Звонитъ Бубликовъ изъ квартиры.

— Дорогой, Некрасовъ назначилъ сдачу Министерства на 9 часовъ утра. Я пріѣду позже. Если Добровольскаго не будетъ сдайте ему всѣ срочныя бумаги.

Подобралъ я въ папку всѣ наши предположенія, проекты телеграммъ и наиболѣе важныя свѣдѣнія съ дорогъ и жду звонка изъ квартиры министра.

— Изволили пріѣхать...

Иду. По дорогѣ меня догоняетъ Уструговъ.

— Вы куда?

— Къ Министру.

— Тоже. Вы зачѣмъ?

— Сдать срочныя дѣла.

— Я передамъ. Не безпокойте Министра.

— Я исполняю приказаніе Комиссара, отвѣчаю я, а самъ думаю: неужели ты товарищъ Министра.

Курьеръ докладываетъ о насъ обоихъ. Входимъ. Некрасовъ сіяетъ и въ то же время конфузится. Я передаю бумаги.

— Мы все это разберемъ...

Курьеръ докладываетъ о пріѣздѣ Сэра Джорджа Кери, Вице-Президента Канадіенъ Пассификъ, присланнаго англичанами въ качествѣ эксперта по дѣламъ Мурманской дороги. Начался черезъ переводчика нудный разговоръ. Министръ путается и говоритъ невпопадъ. Ему неловко. Гнѣвъ срывается на курьерѣ.

— Чаю. Почему чаю нѣтъ..? Что за порядки... а а а...

— Виноватъ, Ваше Высокопревосходительство. Не изволили приказывать.

— Чтобы всегда чай былъ!...

Я невольно переглянулся съ Кери, не понимавшимъ въ чемъ дѣло. Послѣ ухода его Некрасовъ сразу обратился ко мнѣ.

— До свиданія. Передайте Бубликову, что до двѣнадцати я зайду къ нему, чтобы оформить сдачу и подписать общую телеграмму.

Я передалъ это распоряженіе Бубликову и углубился въ текущую работу. Взглянулъ на часы: около часа. Бубликовъ звонитъ Некрасову въ кабинетъ. Нѣтъ отвѣта. Звоню Секретарю Министра:

— Министръ издалъ приказъ о своемъ вступленіи въ должность и уѣхалъ въ Думу. Съ текущими дѣлами приказалъ обращаться къ товарищу Министра Уструтову.

Положеніе Бубликова было дурацкое. Да и мое. За что?

Рулевскій опять настаивалъ на бунтѣ. Бубликовъ, на этотъ разъ вполнѣ спокойный, и слушать его не сталъ.

Чтобы оформить нашъ уходъ, я далъ слѣдующую телеграмму комиссарамъ:

„Комиссарамъ Государственной Думы Бубликову и Добровольскому копія Ц*), ЦП**), ЦН***) и всѣмъ Н†) для объявленія по сѣти.

Въ день оставленія Вами Министерства отъ лица всей желѣзнодорожной семьи позволяю себѣ выразить благодарность судьбѣ за то, что въ эти историческіе дни намъ пришлось поработать на пользу родинѣ подъ Вашимъ руководствомъ точка Благодаря Вашему мужеству, энергіи, знаніямъ и безпредѣльной преданности дѣлу свободы Вамъ удалось не только поддержать въ дни революціи правильное движеніе, но и предотвратить кровавую бойню въ окрестностяхъ Петрограда точка Вашихъ именъ Россія никогда не забудетъ.

Ломоносовъ.

Бубликовъ отвѣтилъ слѣдующей циркулярной депешей:

„Всѣмъ Н. копія Ц, ЦП и ЦН.

Вчера Членъ Государственной Думы инженеръ Некрасовъ вступилъ въ исполненіе обязанностей Министра и тѣмъ закончилась моя дѣятельность, какъ Комиссара Государственной Думы. 28 февраля я по порученію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы занялъ вооруженной силой Министерство и приступилъ къ осуществленію мѣръ, какъ къ обезпеченію непрерывности движенія такъ и, особенно, къ недопущенію использованія желѣзныхъ дорогъ во вредъ интересамъ всенароднаго дѣла освобожденія родины. Не намъ оцѣнивать значеніе и роль желѣзнодорожниковъ въ этомъ дѣлѣ, за насъ это сдѣлаетъ безпристрастная исторія. И не со словами благодарности собираюсь я къ Вамъ обратиться. Не ради благодарности Вы работали, не въ цѣляхъ личной выгоды. Вы сознательно потрудились для дѣла родины. Мнѣ хочется только отмѣтить всенародно ту поразительную внутреннюю дисциплину, которую проявила милліонная желѣзнодорожная армія въ эти историческіе дни. Не только всѣ мои распоряженія, зачастую столь необычныя для желѣзнодорожниковъ, привыкшихъ способствовать, а не

*) Министру.
**) Тов. Министра.
***) Начальнику Управленія ж. д.
†) Начальникамъ и Управляющимъ ж. д.

препятствовать движенію, исполнялись, за ничтожными (двумя-тремя) исключеніями, безпрекословно и съ открытымъ сердцемъ, но случилось большое двоеточіе желѣзнодорожники не поддались соблазну отпраздновать на людяхъ великіе дни народнаго освобожденія, не покинули душныя конторы и мастерскія и занесенные снѣгомъ линіи и ни на одинъ часъ не прекратили движенія. Этимъ они выявили свой подлинный дѣйственный патріотизмъ. Низко имъ за то кланяюсь и горжусь быть членомъ ихъ семьи. Нынѣ, покидая роль ихъ главы и возвращаясь вновь рядовымъ желѣзнодорожнымъ работникомъ къ родному дѣлу, я не могу однако не отмѣтить — смѣло скажу для исторіи — имена тѣхъ лицъ, которые помогали непосредственно за эти дни бѣшенной работѣ. Изъ нихъ нѣкоторые даже не состоятъ въ вѣдомствѣ или служатъ въ такихъ отдѣлахъ, которые вполнѣ освобождали ихъ отъ обязанности активной работы. Вотъ имена: Профессоръ Ломоносовъ въ роли главнаго моего помощника, бывшіе товарищи министра И. Н. Борисовъ и Д. П. Козыревъ, помощникъ начальника управленія В. П. Рейслеръ, Нач. Эксп. Отд. А. С. Тухинъ, его помощники П. П. Карелинъ и С. М. Тюменевъ, временно мною назначенный начальникъ Сѣв. Зап. Дор. В. С. Павловскій, состоявшіе въ непосредственномъ моемъ разпоряженіи г. Э. Н. Рулевскій, Шмускесъ, Г. В. Лебедевъ. инж. Б. А. Перловъ, прис. пов. Е. Ф. Сѣдельниковъ, на линіи Начальникъ М. В. Р. ж. д. М. Е. Правосудовичъ, Начальникъ Движенія той же дороги Гринчукъ-Лукашевичъ, пом. нач. движенія Сѣв. Зап. ж. д. Лобановъ, телеграфъ министерства и на линіяхъ — эти глаза и уши Временнаго Правительства въ эти дни, энергичная компанія студентовъ-путейцовъ, несшая всю службу связи. Впрочемъ, всѣхъ не перечислишь, а пусть тѣ, которыхъ не назвалъ, простятъ мнѣ мою забывчивость. Большая сдѣланная ими работа да дастъ имъ полное внутреннее удовлетвореніе. Будемъ всѣ съ гордостью носить наше имя желѣзнодорожниковъ. Объявите по линіямъ.

Комиссаръ Государственной Думы Бубликовъ.“

Моя роль въ революціи закончилась.

## Послѣсловіе.

Читателю быть можетъ интересно, что сталось съ лицами, о которыхъ такъ много говорилось въ этихъ воспоминаніяхъ.

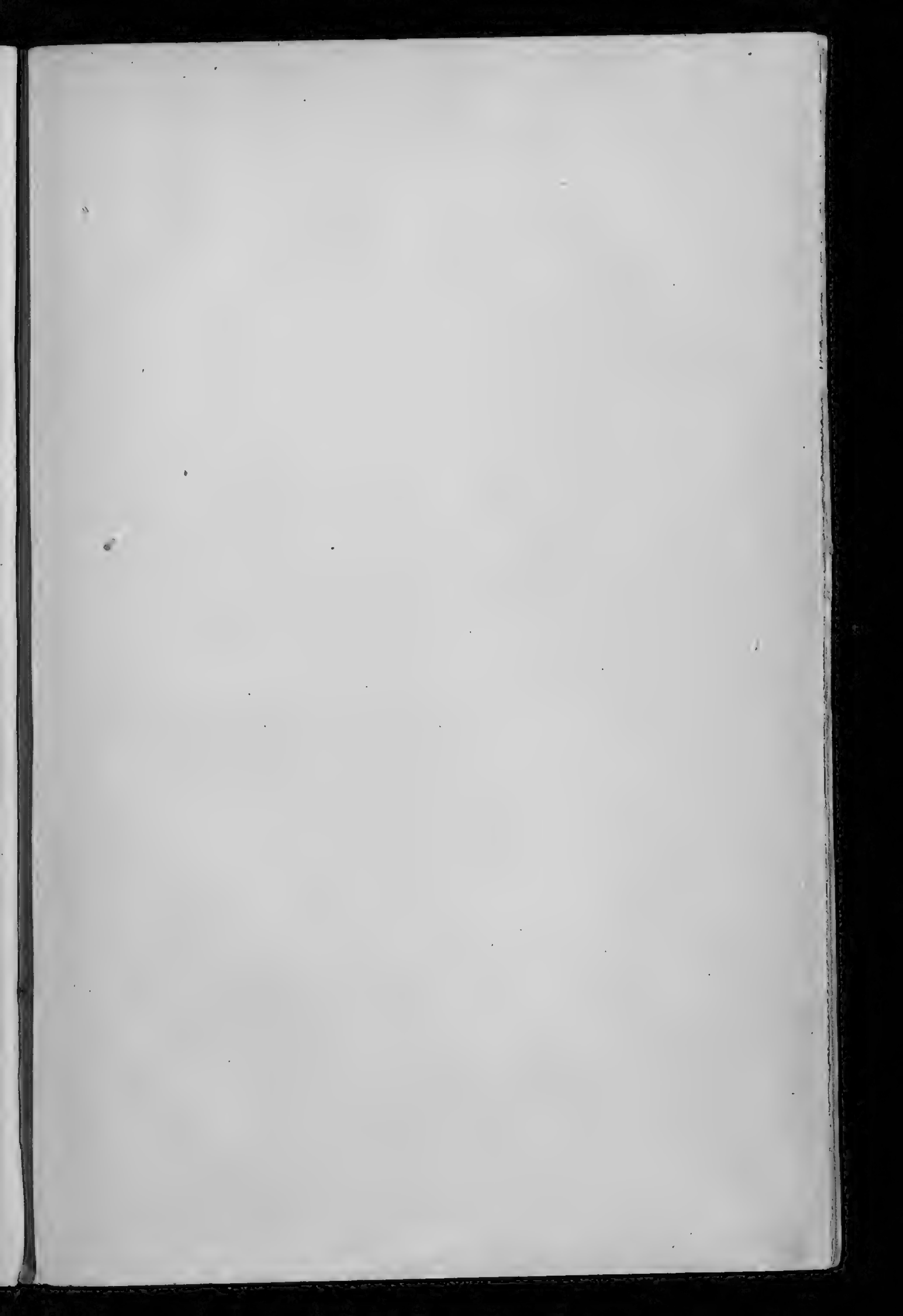
Бубликовъ ушелъ въ частныя дѣла, и затѣмъ отъ „большевистской опасности“ бѣжалъ въ Америку, гдѣ, послѣ нѣкотораго колебанія, занялъ видное положеніе въ рядахъ русскихъ контръ-революціонеровъ.

Еще раньше попалъ въ Америку я самъ: меня туда же командировало еще первое Временное Правительство. Лебедевъ пріѣхалъ вмѣстѣ со мною, но здѣсь черезчуръ пристрастился къ американскимъ коктелямъ. Рулевскій немедленно послѣ революціи перешелъ на службу ко мнѣ въ контору опытовъ и вѣроятно сдержалъ свое слово — вторично захватывалъ министерство во время большевистской революціи.

Ротмистръ Сосновскій оказался очень скоро вовсе не Сосновскимъ, а бѣглымъ каторжникомъ Рогальскимъ. Онъ раньше дѣйствительно былъ офицеромъ, но затѣмъ специализировался на убійствахъ женщинъ легкаго поведенія. Въ моментъ революціи онъ находился въ Литовскомъ замкѣ. Когда толпа выпустила всѣхъ арестованныхъ, онъ добылъ гдѣ то гусарскую форму и явился въ Думу.

Уструговъ занималъ должность товарища министра до самой большевистской революціи, а затѣмъ оказался министромъ у Колчака.

---



Типографія „НЕЙЕ ЦЕЙТЪ“, Берлинъ-Шарлоттенбургъ.